

Барыги, наркобароны и наркобойцы-дельцы: наркопреступность и рынки наркотиков в Таджикистане

Алишер Латыпов, PhD, MA (Hons), MHS, MA (Hons)

Руководитель информационно-исследовательской программы
Евразийская сеть снижения вреда

Член-корреспондент
Референтная группа ООН по вопросам ВИЧ-инфекции и инъекционного
употребления наркотиков

Данная работа была впервые опубликована как отдельная глава в следующем издании:

Латыпов, А. (2011). Барыги, наркобароны и наркобойцы-дельцы: наркопреступность и рынки наркотиков в Таджикистане. В Центрально-Азиатский Центр Наркополитики, *Кыргызстан сквозь призму наркономики* (стр. 271-319). Бишкек: Общественный фонд «Центрально-Азиатский центр наркополитики».

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Автор настоящего исследования благодарит Центр по изучению терроризма, транснациональной преступности и коррупции (TraCCC) Университета Джорджа Мейсона (Вашингтон, США), возглавляемый профессором Луиз Шелли, и Общественный фонд «Центрально-Азиатский центр наркополитики» (Бишкек, Кыргызстан), возглавляемый Александром Зеличенко, за оказанную финансовую поддержку. Автор выражает особые слова благодарности участникам исследования в Таджикистане за доверие и ценную информацию, без которых написание данной работы было бы невозможным.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	2
1. ВСТУПЛЕНИЕ.....	4
2. ОПИСАНИЕ ИСТОЧНИКОВ. МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРЫ СБОРА И АНАЛИЗА ДАННЫХ.....	11
3. НАРКОРЫНОК В ГОРОДАХ ТАДЖИКИСТАНА ГЛАЗАМИ ПОТРЕБИТЕЛЯ НАРКОТИКОВ.....	13
Приобретение наркотиков.....	13
Цена, ассортимент, доступность и качество	23
4. ВОЗМОЖНО ЛИ ТОРГОВАТЬ НАРКОТИКАМИ В ТАДЖИКИСТАНЕ БЕЗ ВЕДОМА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ?.....	42
5. КОГО В ТАДЖИКИСТАНЕ ЗАДЕРЖИВАЮТ И ПРИВЛЕКАЮТ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯ, А КОГО НЕ ЗАДЕРЖИВАЮТ? ...	53
6. ПОСТАВКА, ПРИОБРЕТЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИКОВ В ТАДЖИКСКИХ ТЮРЬМАХ: АНАЛИЗ С ПОЗИЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	67
7. ОБСУЖДЕНИЕ, ВЫВОДЫ, РЕКОМЕНДАЦИИ.....	79
Аспект 1. Мелкие сбытчики как связующее звено розничной торговли наркотиками.....	79
Аспект 2. Оказание правовой, социальной и медицинской помощи потребителям наркотиков и защита их гражданских и человеческих прав	81
Аспект 3. Ситуация в пенитенциарных учреждениях.....	84
Аспект 4. Тенденции на рынке наркотиков в Таджикистане.....	86
Аспект 5. Участие сотрудников правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений Таджикистана в незаконном обороте наркотиков.....	88
8. БИБЛИОГРАФИЯ	92
Источники на русском языке	92
Источники на английском языке	95

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Проблема, связанная с участием сотрудников правоохранительных органов в незаконном обороте наркотиков в Таджикистане и других странах Центральной Азии, обсуждалась в ряде опубликованных за последнее десятилетие материалов. Во многих из них речь шла непосредственно о вопросах, обусловленных наркотрафиком, но ряд публикаций был посвящен более широкой теме реформирования деятельности правоохранительных органов (International Crisis Group (ICG), 2002; Lewis, 2011). У местных и иностранных журналистов и репортеров неослабевающий интерес и внимание продолжает также вызывать тема коррумпированности сотрудников правоохранительных органов (см., например: Кузина, 2011; Mulberry Media Film, 2010; Hilton Cordell Productions, 2002).

Представленные в большей части опубликованных материалов обзоры ситуации по участию правоохранительных органов и высокопоставленных государственных чиновников Таджикистана и других республик Центральной Азии в наркобизнесе можно разделить на три типа. Первый основывается на интервью с отдельными сотрудниками государственных структур, неправительственных и международных организаций и дипломатических миссий, в ходе которых ими была дана личная оценку размаха коррупции в стране. Среди высказываний были, например, такие: «Почти все сотрудники правоохранительных органов и пограничники, размещенные в приграничных районах, вовлечены в незаконный оборот наркотиков»; «восемь из 10 сотрудников правоохранительных органов коррумпированы»; «до 50% сотрудников центральноазиатских таможенных служб в определенной степени вовлечены в торговлю наркотиками» (Paoli, Greenfield and Reuter, 2009; Paoli et al., 2007; ICG, 2001).

Второй тип «обзора ситуации» связан с использованием опубликованной в газетах информации об арестах высокопоставленных должностных лиц – «наркобизнесменов /наркобаронов» в Таджикистане и за его пределами (Lewis, 2010; Paoli, Greenfield and Reuter, 2009; Paoli et al., 2007; Cornell, 2007; Shelley and Cornell, 2006).

Третий тип обзоров содержит информацию, полученную от людей, представляющих группы, подверженные наибольшему риску, – в частности, потребителей инъекционных наркотиков (ПИН) и работников коммерческого секса. Эта информация, как правило, заключается в ярком описании ситуаций злоупотребления должностными обязанностями со стороны сотрудников милиции и других правоохранительных органов: незаконные задержания, вымогательство денег, насилие и подбрасывание наркотиков (Ибрагимов и соавторы, 2011; Sex Workers' Rights Advocacy Network (SWAN), 2009; Latypov, 2008; Oostvogels, 2005; Human Rights Watch (HRW), 2003). К подобному типу обзоров относится недавно опубликованная работа А. Саранг и соавторов (Sarang et al., 2010), в которой представлены различные проявления злоупотреблений властью со стороны правоохранительных органов в постсоветской России. Для определения этой формы структурного насилия, влекущего за собой «болезнь гнета» («oppression illness»), появился даже специальный термин – «милицейский беспредел» («police bespredel»), означающий неограниченность проявлений власти и полномочий вкупе с абсолютной безнаказанностью, от которых, в первую очередь, страдают представители групп, подверженных наибольшему риску.

Но картина, которая вырисовывается на основе публикаций о связи представителей государственных органов власти с наркобизнесом, является крайне обобщенной и, за исключением нескольких работ (см., например, Townsend, 2006), не описывает функционирование элементов/механизмов рынков наркотиков в Таджикистане (и соседних республиках). В публикациях о том, что определенные высокопоставленные чиновники в Таджикистане замешаны в незаконном обороте наркотиков, как правило, нет информации

о каждодневной розничной торговле наркотиками на городских улицах. Кроме того, некоторые публикации, в которых обсуждаются актуальные вопросы наркоторговли и коррупции в Таджикистане, базируются на устаревших данных – в лучшем случае собранных в 2000–2005 годах.

Целью настоящего исследования является восполнение ряда перечисленных выше пробелов в информации о современной наркоситуации в Республике Таджикистан путем изучения состояния внутреннего рынка наркотиков в республике, с особым акцентом на проблемах, обусловленных розничной и мелкооптовой торговлей и вовлечением в эти процессы сотрудников правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений. Основными источниками информации для нашего исследования были потребители незаконных наркотиков, представляющие ключевых «игроков» на наркорынке Таджикистана.

Изучение вопросов, связанных с рынками и употреблением наркотиков, важно не только для того, чтобы лучше понять ситуацию и разработать соответствующую наркополитику только и непосредственно в Таджикистане, но также во всех других странах региона Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии. Дело в том, что в настоящее время данный регион является «горячей точкой» развития эпидемии ВИЧ-инфекции в мире (Thorne et al., 2010). В республиках Центральной Азии пламя эпидемии разгорелось за счет инъекционного употребления наркотиков. Небезопасные инъекционные практики во многих случаях продолжают оставаться ее основной движущей силой (Правительство Кыргызской Республики, 2010; Правительство Республики Казахстан, 2010; Правительство Республики Таджикистан, 2010). Кроме того, через страны Центральной Азии проходит так называемый северный маршрут наркотрафика, по которому афганские опиаты поступают на рынки наркотиков стран бывшего Советского Союза и далее распространяются в Европу. В этой связи, от того, насколько успешна будет борьба с наркотиками в Таджикистане – стране, имеющей в Центральной Азии самую протяженную и самую прозрачную

границу с Исламской Республикой Афганистан, зависит динамика развития наркорынков многих городов, расположенных далеко за пределами республики. Правоохранительные органы и силовые структуры Таджикистана являются получателями значительной финансовой и технической помощи от государств-доноров. Целесообразность инвестирования средств в укрепление национального потенциала по борьбе с незаконным оборотом наркотиков может быть оправдана только при наличии разносторонней и независимой информации о существующих проблемах в работе указанных структур и органов.

Основу настоящего исследовательского отчета составляет тема взаимосвязи между субъектами и отдельными представителями государственных органов и структур и сферой наркотиков. Именно этим объясняется наш интерес к растущему количеству публикаций, касающихся вопроса возможного вовлечения государства в противозаконную деятельность, в частности, в сфере наркоторговли, осуществляемой в странах Центральной Азии.

По мнению Альфреда МакКоя, одного из наиболее авторитетных исследователей данного вопроса, экономическая и политическая нестабильность и низкие показатели развития в республиках Центральной Азии делают их все более уязвимыми для торговли опиатами (McCoу, 2003; McCoу, 1999). Это происходит по двум причинам: после консолидации и установления контроля над территориями новая власть использует эту торговлю, пытаясь таким образом решить проблему нехватки жизненно важных ресурсов; с другой стороны, из-за аналогичных проблем с финансированием собственной деятельности прибыль от наркотрафика пытаются извлечь оппозиционные группировки. XX век, как считает МакКой, очевидно доказал, что «крупномасштабное производство опиума или коки может происходить или вследствие определенных усилий в регионах-производителях со стороны государственной власти/.../, или вследствие коррумпированности чиновников, препятствующей проведению

государствами интервенций [направленных на борьбу с наркопроизводством]...» (McCoу, 2004).

В более поздних исследовательских работах вопрос участия государственных структур в противозаконной деятельности освещался как с теоретической точки зрения (аналитические обзоры), так и с практической (изучение особенностей приграничной наркоторговли и ее специфики в странах постсоветской Центральной Азии). Летиция Паоли и соавторы уверенно «окрестили» Таджикистан «наркогосударством», в котором «самые высокопоставленные государственные чиновники являются руководителями или покровителями наиболее мощных наркогруппировок и используют государственные структуры для поддержки собственной преступной деятельности» (Paoli, Greenfield and Reuter, 2009; Paoli et al., 2007). Дейвид Льюис добавил в список стран со столь незавидной репутацией «наркогосударство Ниязова», утверждая, что «Туркменистан, по-видимому, был первой страной [в регионе], вырвавшей контроль [над наркобизнесом] из рук мелких преступных групп и отдельных граждан, занимающихся переброской наркотиков через границу» (Lewis, 2010). Отслеживая меняющуюся динамику сетей «upperworld» и «underworld» в Кыргызстане, Александр Купатадзе делает следующий вывод: так как усиление влияния преступного мира произошло на фоне развала государственной системы, то, возможно, поэтому в конечном итоге он стал восприниматься как пришедший «на смену» этой системе. Но одновременно с процессом консолидации власти государственная элита постепенно монополизировала «большую часть преступной деятельности», в итоге взяв ее под свой контроль у «представлявшего ранее силу преступного мира» (Kupatadze, 2008). Сегодня на улицах городов Кыргызстана некоторые сотрудники правоохранительных органов, совершая вымогательства и другие служебные преступления, открыто заявляют: «Мы можем делать все, что захотим /.../. [Здесь] закон – это мы» (SWAN, 2009).

Однако динамику «upperworld–underworld» невозможно полностью объяснить сопернической природой их взаимоотношений. Хотя в настоящее время в странах Центральной Азии сотрудники правоохранительных органов могут осуществлять контроль над значительной частью рынка розничной торговли наркотиками, зачастую они готовы к тому, чтобы «поглотить» сети «underworld» и предоставить «барыгам» возможность заниматься своим «грязным» бизнесом в обмен на щедрое вознаграждение и/или сведения о потребителях наркотиков (последнее заканчивается преследованиями с целью вымогательства денег или получения «галочки» в отчетах по количеству арестов, связанных с наркотиками). Статистика и другая информация, поступающие из стран Центральной Азии, подтверждают идею Никоса Пассаса, высказанную им в недавно опубликованной работе, о том, что в данном регионе грань между «законным» и «преступным» размыта, а субъекты «upperworld» и «underworld» могут работать и «против друг друга», и совместно, и «друг на друга», формируя при этом антитетические и симбиотические взаимоотношения вокруг непрерывного спектра «законного–незаконного» (Passas, 2002).¹

Как недвусмысленно указывают некоторые из вышеупомянутых авторов, необходимо проведение дальнейшей аналитической работы, а также работы по сбору убедительных практических доказательств и изучению обстоятельств, которые привели к образованию и трансформации соединения «upperworld» и «underworld». Без такой работы, как справедливо считает Пассас, у нас не будет «фундамента, на котором можно построить более совершенствованные теории и здравую политику», и инструментов, с помощью которых можно избавиться от допущенных «неточностей, упрощений в представлениях, преувеличений и мiskonцептуализации».

¹ Об этом смотрите также этнографическое исследование о взаимодействии между «законными» и «незаконными» субъектами и о «внегосударственных» теневых сетях, опубликованное Каролин Нордстром: Carolyn Nordstrom, "Shadows and Sovereigns," in *State/Space: A Reader*, ed. Neil Brenner, Bob Jessop, Martin Jones, and Gordon MacLeod (Oxford: Blackwell Publishing, 2003), 326-43.

Надеемся, что настоящее исследование станет уверенным шагом в данном направлении. Представляем вниманию читателей объемный, основанный на практических данных материал по специфике развития современного розничного наркорынка в Таджикистане, суть которой заключается в комплексной взаимосвязи между преступными элементами «upperworld» – сотрудниками правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений – и представителями так называемого «underworld», которые добровольно или по принуждению становятся их сообщниками.

2. ОПИСАНИЕ ИСТОЧНИКОВ. МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРЫ СБОРА И АНАЛИЗА ДАННЫХ

Настоящее исследование является частью более широкой работы автора по изучению истории наркотических средств и взаимоотношений между правоохранительными органами, потребителями наркотиков и людьми, вовлеченными в производство и сбыт наркотиков в советском и постсоветском Таджикистане. Исследование основывается на индивидуальных глубинных интервью с 20 потребителями наркотиков в Республике Таджикистан, среди которых три женщины. Интервью были проведены в апреле–июне 2011 года в столице республики, городе Душанбе, а также в городе Вахдате, Хатлонской области и в Горно–Бадахшанской автономной области.

В исследовании приняли участие только те потребители наркотиков, которые были осведомлены о рынках наркотиков в городах Республики Таджикистан. После информированного согласия (в устной форме) они поделились с нами знаниями по таким вопросам, как приобретение наркотиков, изменения, произошедшие на рынках наркотиков за последнее время, факты задержания потребителей наркотиков сотрудниками правоохранительных органов, участие сотрудников правоохранительных органов в торговле наркотиками, употребление наркотиков в тюрьмах. Учитывая особенности темы исследования, а также преследования и наказания за употребление и сбыт наркотиков в Республике Таджикистан в административном и уголовном порядке, наши респонденты предпочли не указывать личную информацию: не называть своего имени, не определять возраст и место проживания. Поэтому в нашем исследовании нет подробных данных по демографическим и социологическим характеристикам участников.

Полученные в ходе опросов «первичные данные» были разделены по темам и затем проанализированы. Именно в таком виде эти материалы представлены в настоящей работе. В дополнение к собранным от потребителей наркотиков сведениям автором были изучены и «вторичные источники», так или иначе связанные с предметом настоящей работы. Многие из «вторичных источников», существующих на русском языке, представляют так называемую серую литературу – то есть не опубликованную в научных журналах, малодоступную, практически не известную широкому кругу читателей. К такой литературе, прежде всего, относятся ежегодные обзоры по наркоситуации в Республике Таджикистан, издаваемые Агентством по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан (АКН), презентации о результатах дозорного эпидемиологического надзора (ДЭН), проводимого на ежегодной основе в Республике Таджикистан с 2005 года, публикации местных неправительственных организаций.

Помимо перечисленного, автором был изучен ряд публикаций и материалов на английском языке, включая статьи из журналов, отчеты международных неправительственных организаций, диссертации, документы и кинохронику.

3. НАРКОРЫНОК В ГОРОДАХ ТАДЖИКИСТАНА ГЛАЗАМИ ПОТРЕБИТЕЛЯ НАРКОТИКОВ

Приобретение наркотиков

В Таджикистане информацию о рынках наркотиков можно получить в первую очередь из публикуемых Агентством по контролю за наркотиками ежегодных обзоров. Из этих публикаций, например, можно узнать о том, какие наркотики изымаются в Таджикистане, в каком количестве и какой чистоты, какие выявлены способы сокрытия и виды тайников для их транспортировки и т.д. В результате опроса среди потребителей наркотиков о рынках наркотиков, хотя и сопряженного с серьезными методологическими трудностями, мы получаем крайне ценную информацию о некоторых аспектах механизмов работы рынка наркотиков, а также их доступности, качества, цены и видов. Анализ этих данных значительно дополняет имеющиеся публикации и в определенных случаях приводит либо к высвечиванию новых вопросов, либо к новой интерпретации материалов об изъятии наркотиков правоохранительными органами Республики Таджикистан.

Согласно исследованию по оценке потребностей у людей, употребляющих опиаты, проведенному в городе Душанбе в 2010 году Общественным объединением «СПИН Плюс», «[в]се респонденты отмечали, что приобретают наркотик у постоянных дилеров, причем стараются приобретать наркотик без посредников и не готовые растворы, а в виде героина-порошка, однократными дозами: «шпонками» или «чеками». Один из респондентов, сам мелкий дилер, говорил о том, что *«многие сейчас вынуждены торговать, так как надо зарабатывать на дозу /.../. 10 «шпонок» сделаешь, 9 продашь, одна, в любом случае, – твоя. Ну, чисто, кого ты знаешь, с*

ними и стараешься, никого посторонних уже не пускаешь /.../. Для реализации наркотика выбираются определенные точки, где происходит обмен наркотика на деньги, причем дилер в течение дня меняет расположение точек, для «конспирации», чтобы это не привлекало внимание посторонних» (Ибрагимов и соавторы, 2011).

«...Ну, женщине почему еще трудно... я вот, сколько лет употребляла, очень сложно взять [наркотик]. Все думают – с ментами дружит. Приходилось через посредников брать, больше денег приходилось отдавать... И колоться... Ну, не знаю, всегда женщинам трудно...» (Ибрагимов и соавторы, 2011).

Собранные нами данные в целом подтверждают вышеприведенные высказывания респондентов (это исследование было проведено в Душанбе в 2010 году): в розницу героин продается в виде порошка, и многие люди по причине наркозависимости в той или иной степени вынужденно вовлечены в торговлю наркотиками. Наши респонденты также отмечали, что женщины-потребители испытывают больше трудностей в приобретении наркотиков. Однако, помимо этих, был выявлен и ряд других тенденций.

Главная из них – рынок наркотиков в городах Таджикистана становится все более «мобильным». Сделки по купле-продаже наркотиков обговариваются по мобильному телефону, причем покупатели могут связываться с продавцами из различных районов республики и заказывать им доставку товара в необходимом количестве. В городе Душанбе все реже в качестве «точек» сбыта используются квартиры и дома мелких дилеров. Вместо этого продавец и покупатель договариваются по телефону о месте встречи, на которой происходит обмен товара на деньги. Потребители, располагающие большими финансовыми средствами, имеют возможность за один раз приобрести большее количество наркотика, что также «приветствуется» продавцами. «Надежным и проверенным» клиентам они могут организовать доставку «товара» на дом. В качестве «точек» сбыта наркотиков также используются продовольственные, вещевые, промышленные, строительные рынки и другие, хорошо известные

потребителям наркотиков места (например, гостиницы, общежития, определенные участки улиц). В некоторых случаях покупатель может избежать встречи с продавцом или посредником для передачи денег и получения товара. Это потребует от него перевода денег на указанный «продавцом» банковский счет, после чего он сможет получить наркотики в заранее условленном месте. Такая схема снижает риски задержания и ареста для обоих участников сделки.

Многие из респондентов отметили, что не испытывают никаких проблем с приобретением наркотиков в Таджикистане, что за последний год героин стал более доступным, качество его улучшилось, и все большее количество людей, прежде всего представителей сообщества наркопотребителей, вовлекаются в розничную торговлю наркотиками. С другой стороны, часть респондентов отметили, что приобрести героин стало труднее, цена на него увеличилась, а качество изменилось не в лучшую сторону. И эти же респонденты сообщили, что у них нет возможности заказать наркотики с доставкой, и они тратят много времени на их поиск и приобретение.

Практически все опрошенные респонденты подтвердили, что на сегодняшний день героин является самым распространенным наркотиком в Таджикистане (здесь его «море»). Кто-то даже сравнил доступность героина и леденцов «чупа-чупс». В областях, граничащих с Афганистаном, цена на героин и другие наркотики гораздо ниже, чем в столице. В Кулябе и Хороге цена одной дозы героина плохого качества может быть на уровне или даже ниже 1 доллара США, а в некоторых случаях, когда потребитель «болеет», испытывает состояние «ломки» и не имеет при себе денег, ему могут дать дозу героина бесплатно, чтобы «вылечиться». Употребление опия-сырца гораздо меньше распространено, и спрос на него ниже, чем на героин. Широко доступны марихуана и гашиш, причем среди молодежи все популярнее становится комбинированное употребление марихуаны и

героина (марихуану смешивают с порошком героина и курят). На дискотеках в столице можно приобрести экстази по цене около 10 долларов за таблетку.

На рынке нелегальных наркотиков в Таджикистане есть и другие виды наркотиков, которые до настоящего времени не изымались правоохранительными органами республики. Прежде всего, речь идет о кокаине и метадоне. По сведениям некоторых респондентов, кокаин поступает в Таджикистан из трех стран: России, Китая и Исламской Республики Иран. Метадон также поступает из Ирана, а не является следствием «утечки» из недавно внедренной в республике программы опиоидной заместительной терапии. Ниже приведен ряд высказываний наших респондентов, иллюстрирующих сложившуюся на сегодняшний день ситуацию на рынке наркотиков в отдельных городах и областях Таджикистана.

«...На сегодняшний день ситуация с приобретением наркотиков изменилась в том плане, что практически не используются в качестве дилерских “точек” квартиры. Сегодня в городе Душанбе, например, в основном используются “мобильные точки”, то есть по мобильному телефону обговариваются время и место, и барыга либо посредник назначает сам место и время и подвозит наркотик. Часто используются автомобили барыг, на которых они сами развозят или доставляют наркотик. Приветствуются мелкооптовые закупки наркотика (героин), так как меньше риска и расходов на доставку /.../. В основном сейчас в Душанбе связь с барыгами – по телефону. На дом доставляют проверенным клиентам, которые покупают не разовую дозу, а на несколько дней. Это выгодно барыге, так как будет меньше проблем на улице с ментами, проверенные клиенты хорошо платят, и гарантия, что не кинут уличные наркоманы. Доставляют либо сами барыги на своей машине, либо доверенные посредники, которые имеют с этого на дозу, либо посредники, которые являются помощниками барыги и получают дивиденды в денежной или “лекарственной” форме...».

«...В основном, и это в большинстве случаев, люди приобретают наркотики на "точках", или через знакомых барыг, или знакомых посредников. Если ты употребляешь, то ты знаешь, с кем тебе общаться и через кого находить "лекарство". Сейчас проблем с поставками наркотиков нет. Героин – самое распространенное из всех наркотиков и, соответственно, легко находимое. Многие приобретают через знакомых барыг. Посредники также заинтересованы в деятельности по распространению, так как сами являются потребителями и, соответственно, имеют для своего потребления и от наркоманов, и от барыг за услуги по распространению наркотика».

«...В основном, существуют точки. Проблем нет с приобретением героина. Я знаю барыг, я часто у них приобретаю героин...».

«...Независимо от региона процессы и процедуры одинаковые. Первое – это наличие денег. Каждый находит деньги в меру своих способностей. Кто-то ворует, кто-то обманывает, кто-то продает имущество – свое или своих близких...».

«...В первую очередь надо достать деньги, что нелегко на данный момент. Я не работаю: кризис. Поэтому я иду на все, потому что я – зависимый от этой болезни. Я достаю деньги разными путями...».

« ...Потом приобретаю героин, но это уже дело техники, если есть деньги, это не проблема. Звоню барыге, у меня есть его номер, он назначает мне встречу в определенном месте. Я подъезжаю, он незаметно дает мне дозу, а я незаметно даю ему деньги...».

«...Заказать наркотики с доставкой на дом, по телефону в Душанбе и в других городах Таджикистана можно без проблем. Есть определенные круги/бригады, которые работают над распространением. Когда ты знаком с авторитетным членом группы, у тебя проблем нет. Им, наоборот, выгодно, чтобы был клиент постоянный. Поэтому сейчас без проблем можно заказать по телефону наркотики из любого района города. Можно заказать по телефону наркотик из любой области республики. И тебе привезут чистейший героин по низкой цене. К примеру, я сейчас могу заказать любое количество, и мне привезут по 30 сомони за грамм чистейшего героина. Если оптом заказываешь – по 30 сомони. А в городе цены, конечно, выше: до 50 сомони за грамм. Но там и близко полграмма не будет. Но так как человек уже сильно втянулся в процесс, то для него количество имеет уже не такое значение – главное, чтобы было...».

«...Да, на дом тоже можно заказать. Это зависит от того, как долго ты знаешь того человека, у которого ты берешь. Например, я беру у одного человека уже два-три года, и он уверен во мне. И он будет уверен, что не сдам его и не подставлю. Он знает, что я заплачу, что у меня есть деньги. Поэтому он может через кого-нибудь прислать мне наркотик. Так что с этим тоже проблем нет...».

«...Конечно, можно. И в Душанбе, и в Кулябе. Позвонить можно, привезут – и сам барыга, и посредник. Сейчас вообще можно даже просто бабки перевести на счет банковский, если много берешь, просто барыга скажет тебе номер счета, а ты деньги через банк ему кинешь, и он тебе позвонит, скажет, выходи там на определенное место. Например, на какой-нибудь скамейке лежит пачка сигарет, вот это твой товар. Все технично так...».

«...С большинством барыг можно договориться по мобильному телефону, назначить место, конечно. Они все кодируются, боятся. Только по телефону /.../. Такого, как раньше: точки, квартиры – сейчас нет /.../. Все по телефону...».

«...Есть разные барыги. Есть, кто сильно боится и всем не дает, только определенному человеку /.../. Тот, который знает барыгу, у него есть преимущество /.../. Он таким способом тоже деньги зарабатывает [в качестве посредника] /.../. В основном барыги ведь тоже употребляют...».

«...В основном на рынках /.../. Если конкретно не знаешь какого-нибудь барыгу, то там, на рынках есть места /.../. Подходишь, если деньги есть, спрашиваешь. Свободно так деньги даешь, самое главное – [с тем,] кто принесет, с ним [надо] поделиться...».

«...Да, это все доступно, и менты [потребителей “легких” наркотиков] так не ловят, как героинщиков. Марихуану можно достать везде, даже если не знаешь определенные точки...».

«...В Кулябе /.../ можно найти [героин] на [разных] улицах города, возле рынков, повстречав барыг. Они еще разделяются тем, что некоторые торгуют шпонками, одни – граммами, другие – большими партиями. Восемь барыг были из числа девушек, которые тоже активно продавали. В Кулябе очень легко найти героин и другие одурманивающие вещества. На героин больше спрос, так как он меньше по объему и спрятать легко. Если тебя знают и у тебя есть деньги, то можно любой наркотик заказать на дом, они сами привезут. Также

можно провести бартер: если есть ценные вещи, можно обменять на героин вместо денег (машину, золото, аппаратуру)...».

«...Я и мои друзья в основном приобретаем героин на своей местности /.../. Есть еще ряд других точек, где ребята закупают, и у всех свои знакомые барыги. За второй год моего употребления героин стал более трудно доступным, и качество сильно изменилось в худшую сторону. Галимый (бутар), марихуану можно достать везде по городу, а героин [хорошего качества] – нет. Да еще раньше героин стоил 30 сомони, а сейчас – от 50 до 60 сомони. Опиум стоил 70 сомони за баночку из-под вазелина, а сейчас – от 130 сомони и выше. Я вообще не слышал ни разу, чтобы барыга сам приезжал. Обычно я сам звоню, и он назначает встречу, где ему удобно; иногда приходилось давать деньги за двоих, чтобы знакомый приносил на меня и себя...».

«...В Душанбе очень много точек, где можно приобрести героин и другие одурманивающие вещества /.../. В эти места ныряют не только парни, но и девушки тоже /.../. Когда деньги у меня бывают [и их] достаточно, то я звоню определенным барыгам, которые сами привозят мне домой, – конечно, за доплату...».

«...В Кулябе ребята приобретают на улицах /.../. Насчет поставки героина барыгой на дом – это зависит от отношения и доверия. Если барыга доверяет, то, естественно, он приходит и приносит на дом или на какую-то точку, удобную ему. Да, такое практикуют, но я предпочитаю сам идти к ним: это лучше, чем его приглашать...».

«...Если есть деньги, [то] особых проблем найти героин нет. Вам как перечислить: в каких местах легче найти? в каком районе города? Конечно, не сказать, что все так просто, нет. Приходилось барыгу часами искать, а бывает, приедем и сразу возьмем. По-разному бывает. Но всегда стараюсь сам брать. [Если] через кого-то брать, [то,] во-первых, он может кинуть, принесет, не знаешь что, да и мизерное количество...».

«...Таджикистан – это не Запад, чтобы тебе домой привозили, такого нет и не будет. Хочешь кайфануть – иди своими ножками. Рискуешь и берешь. Барыги не работают по точному расписанию. Если есть телефон, то звонишь и договариваешься о встрече, пойдешь и возьмешь...».

«...Нет, насчет города Душанбе не знаю, но в Вахдате нет таких барыг, чтобы я, допустим, заказал и мне принесли на дом...».

«...В большинстве случаев наркотик беру на определенных точках, у барыг. Если эта точка тебе знакома и барыга тебя знает, то приходим и берем. Конечно, это я вам на словах говорю, что берем. Сто раз надо созваниваться, а он каждый раз откладывает время. И вот, [когда] он говорит приходи, [то] в тебе столько радости. А если точка незнакомая, то надо искать знакомых, просить, деньги даешь – на свой страх и риск. Сколько случаев у меня было – возьмут деньги и не приходят... А с каким трудом найдены были деньги. А если принесет, то с ним обязательно поделиться надо...».

«...Смешной вопрос – “развозят наркотики”. Конечно, нет. А по телефону с барыгой можно только договориться, во сколько прийти и сколько будешь

брать. Все точки барыг работают индивидуально, это же не частная лавка: пришел и взял...».

«...Мое представление обо всех изменениях с героином – это только со слов моего парня, что героин стал дороже, стал не чистым, что барыги что-то подмешивают. А чтобы взять по грамму, который стоит 60 сомони, – это большая проблема /.../. Я сама недавно стала употреблять героин, сама его не нахожу, не покупаю, мне приносит мой парень. Иногда это бывает быстро, пошел – принес, иногда жду его час и два. Говорит, что в одном месте не получилось, пришлось ехать в другое /.../. Я сама начинала с анаши, пробовала таблетки, два раза ела чакиду, а потом героин, вот уже 6 месяцев. У меня еще такого не было, чтобы по заказу кто-нибудь привозил, думаю, в городе таких услуг по доставке героина на дом нет...»

«...Если сравнивать с тем, как это было год назад, то сейчас намного сложнее, за каждой точкой менты следят, это риск, цена другая, стало дороже, качество стало хуже, добавляют разную гадость. Барыге лишь бы бабки сделать, а о нас, конечно, думать не будут, для них мы наркоманы. Кроме героина, какие еще наркотики появились – не знаю. Пару раз на дискотеке таблетки пробовала, меня это никак не торкнуло, поэтому лучше героин /.../. Да вы что спрашиваете? Какой заказ? Кто будет по домам развозить? Да такого быть не может! Вот знаешь барыгу, в лучшем случае позвонишь ему. А так, пойдешь к нему домой, если есть – возьмешь. Нет, будем сидеть и ждать до последнего. Бывают, конечно, и нормальные барыги, к которому и ночью можно прийти, и утром, но их так мало...».

«...Большинство ребят приобретают наркотики у своих знакомых: барыг своего района или своей местности. Изменения произошли на счет

наркотиков: раньше было легко, но за последнее время стало хуже. Продавцы-барыги стали добавлять в героин манку, сахарный песок, муку. Они добавляют эти смеси, чтобы было больше весу. Цена осталась за последние 12 месяцев такой же, какой была – 40 сомони за грамм...».

«...Приобретение героина стало намного проблематичней. Бывают случаи, когда потребитель имеет деньги, но не может найти героин. Нужно иметь связи, чтобы приобрести, и практически не осталось точек, где торгуют как раньше – из дома...».

«...В Кулябе в большинстве случаев ребята и девчонки приобретают наркотики у мелких распространителей (барыг) – часто это сами потребители наркотиков /.../. Среди знакомых потребителей в Кулябе не встречается такого, чтобы можно было заказать наркотики с доставкой на дом, по телефону, так как они, бедные, с трудом находят деньги на дозу, поэтому едут на квартиры к барыгам, часто умоляют дать дозу под залог...».

Цена, ассортимент, доступность и качество

В данной секции приводится информация о ценах, ассортименте, доступности и качестве наркотиков, собранная большей частью в городах Душанбе и Кулябе. Некоторые участники предоставили данные, касающиеся городов Хорог, Худжанд и Вахдат. В своих ответах на наши вопросы о ценах и изменении в ценах многие участники сообщали как о розничных ценах, так и о мелкооптовых и оптовых. При описании ассортимента имеющихся на рынке наркотиков наши респонденты обычно приводили общепринятые на

русском языке названия наркотиков. Но в некоторых случаях также использовались местные названия наркотиков на таджикском языке и сленг.

«Да, это оптовая цена [в Душанбе], за один грамм – 40 сомони, и из одного грамма, если это чистый по весу грамм, иногда чистый по весу грамм не выдают. Те, кто торгуют, иногда бывает 0,7–0,8 [грамма выдают], ну и с одного грамма выходит от 4 до 5 доз, до 5 шпонок. И вот, торгуя этим, я иногда покупаю два–максимум три грамма; в течение недели я вот эти 3 грамма разделяю на дозы маленькие и продаю их по 20 рублей, а на те деньги, которые якобы остаются в качестве моего дохода, я опять-таки употребляю тот же героин, и он мне как бы попадает бесплатно» (Ибрагимов и соавторы, 2011).

«...Вот раньше героин всегда был чистый, а сейчас, если героин попадет, поднимать начнешь, ну, кипятить, и он сворачивается. Ну, мука добавлена там, еще чего-нибудь добавлено /.../. Бутыр, да. Его только выкинуть остается. А раньше всегда чистый был, можно было прокипятить спокойно. А сейчас не получится кипятить, и с димедролом тоже не получится /.../» (Ибрагимов и соавторы, 2011).

«...Цены в регионах различаются. В Душанбе, Вахдате, Худжанде – 20–40 сомони, 20 – полграммовая шпонка, 40 сомони – грамм. В Кулябе, Хороге можно купить грамм за 20 сомони, за 10 – полграмма. Можно взять шпонки и по 5 сомони и по 2 сомони в Кулябе и Хороге. Но система приобретения та же. Имеешь знакомых, деньги – имеешь героин...».

«...Главное, чтобы были деньги. На 20 сомони [в Душанбе] можно полграмма купить, на 40 – целый грамм. У меня лично три-четыре точки, где я могу приобрести героин /.../. Это точки, которые все знают...».

«...Не, ну они же видят, что ты наркоман. Город маленький, все наркоманы почти друг друга знают. В Кулябе это все попроще, чем здесь. Здесь, например, 20 сомони шпонка [стоит], в Кулябе и по 2 и по 5 сомони шпонки. Не будет такого, что ты больным останешься, можно пойти взять в любом месте. Чтобы вылечиться, тебе даже бесплатно дадут...».

«...На рынке значимых для потребителей изменений не видно. Героин, как “чупа-чупс”, – номер один в плане распространения. Стало больше в продаже именно героина. Но есть и другие наркотики. Сейчас в Душанбе есть в продаже метадон иранский в таблетках. Одна таблетка стоит 50 сомони. Ханку,[а]нашу, кокаин, экстази тоже спокойно можно найти, если есть деньги и желание. Ханка (чакида, черняга, черный чай) – цена [на нее] колеблется от 50 до 150 сомони за упаковку. Упаковка – это банка из-под вазелина, которая вмещает около 10 грамм. В Кулябе, Хороге – 50 сомони, в Душанбе – 100–150 сомони...».

«...Да, я слышал, [что появились новые наркотики], но я сам не употребляю. Метадон, например, в таблетках – не государственный, а который привозят – говорят, иранский. И стоит одна таблетка 50 сомони. Героин доступней и дешевле. Лучше покупать героин, чем метадон. Полграмма можно взять за 20 сомони, и тебе хватит на сутки...».

«...Мой знакомый сам помогал доставать метадон, и сам пробовал его. Кайф дает, и им хорошо лечиться от героина, ломы снимает конкретно. Но дорого – одна таблетка 10 долларов. У него сейчас есть клиенты, которые только за метадоном приходят...».

«...Я последний год употребляю только кокаин. Покупаю его по 50 долларов за грамм. Сам его обрабатываю и приготавливаю крэк. Привозят его из России, Китая, Ирана. Экстази тоже пробовал, но кокаин мне больше понравился...».

«...Сейчас героин стало легче найти, чем раньше. Сейчас он более чистый, чем раньше. Раньше его смешивали с таблетками /.../. Качество сейчас лучше, раньше было намного хуже. Вообще, было тяжело найти хороший героин. Сейчас более доступно и удобно, связь появилась, звонишь и получаешь. Редко бывают случаи, когда буторят. Сейчас этим много людей занимаются, и героин более доступный стал, чем раньше...».

«...Да, цены [в Душанбе] изменились. Немного подорожало. Раньше коробок стоил 15 сомони, а сейчас 20. И эти палочки из Афганистана в основном, и ханка, и другие наркотики сейчас доступны. При желании можно все приобрести /.../. Героин достать легче. Потому что больше потребителей героина, и поэтому героина много. Большинство сидят на героине, а ханка после героина не действует /.../. Ханку продают по 10 грамм. И стоит 100–150 сомони. Хорошего качества /.../. Год назад было дешевле, я брал ее за 80 сомони. Сейчас все подорожало...».

«...Героин плохого качества сейчас. Вышел героин такой сейчас, как липучка. От него много людей умерло. Даже стали говорить, что там вирус какой-то...».

«...Героин, конечно, сейчас легче достать. Марихуану и гашиш тоже можно, но героина просто побольше. Везде море героина. Опиум тоже есть. Но легче всего героин достать...».

«...Прижимали одно время, а сейчас больше наркотиков стало. Сейчас почти на каждой улице по 6–7 человек продают...».

«...В течение года все-таки были кое-какие изменения по продаже наркотиков... Побольше наркотиков стало, и попроще стало покупать наркотики. Барыг стало много. Раньше наркоманы сами не продавали, а сейчас уже много кто продает. Проще стало наркотик достать...».

«...В городе сейчас появились таблетки экстази. Эти таблетки стали привозить сюда, реализуют на дискотеках. Те, кто употребляют эти таблетки, они очень осторожно их употребляют. Метадон. Но его уже не привозят, так как открылась государственная программа метадона для излечения от героина. Чтобы наркоманы могли спокойно его употребить и не бояться, не воровать, не искать. Я благодарен государству за эту программу...».

«...Курил марихуану, смешанную с героином /.../. Второй год как на героине /.../. Иногда, в отсутствие героина, один знакомый мне присылал таблетки, такие

как “коаксил”, сам же иногда принимал феназепам для снятия абстинентного синдрома...».

«...Да, изменения в Кулябе есть, героин приобрести стало легче, чем гашиш и марихуану, и в цене подешевел. А опий не имеет большого спроса, так что большинство [потребителей] не придают особого значения [изменениям в] цене [на опий] /.../, так как есть героин /.../. Несколько раз был свидетелем того, что, зависая у друзей, звонили в Воссейский район и в Московский для того, чтобы привезли героин. Примерно через два-три часа сам дилер доставлял героин в нужном количестве, и такое случалось нередко...».

«...За последний год героин то бывал в продаже, то нет. Вот в период уменьшения я слышал о новых наркотиках, [таких] как „крокодил“ и „белый китаец“, которые значительно сильнее, чем героин, и дороже, но, наверное, из-за цены они не прославились [так,] как героин, который сейчас в моде. Младшее поколение употребляет „дурага“, то есть героин мешают с марихуаной и курят. В последнее время, из-за тщательных облав и рейдов милиции, барыги стали меньше белиться. И в цене [героин] подорожал, а качество все хуже и хуже...».

«...В Кулябе в основном употребляют героин, цена на него не поднялась, как стоил 10 сомони шпонка, так и стоит. За грамм – от 25 до 30 сомони. И приобрести можно во многих точках. Правда, в последний месяц [героин] стал менее доступным, так как начались рейды милиции, и некоторых дилеров с ул. Чапаева посадили, а другие побоялись и практически прекратили распространять. Марихуана и гашиш – не проблема, ее много, но я не употребляю. Опий тоже стал труднодоступным, из-за рейдов. Качество

героина разное, кто добавляет кальций хлор, мел и другие порошко[образные] вещества...».

«...В последнее время, да, изменения произошли в приобретении наркотиков. Конечно, я сравниваю с тем, что было раньше. Да и барыги стали осторожнее, боятся всем подряд давать. Мешают разное, что ни попади. Конечно, как и в любом бизнесе, цена непостоянная, раньше грамм можно было достать за 25–30 сомони. Сейчас 50–60 сомони за грамм, да и мало кто из барыг торгует по грамму, это им невыгодно, стараются малыми дозами [мелкооптовыми партиями] продавать. По 10–20 грамм за раз, так им выгоднее. Про новые наркотики ничего не скажу, не знаю. А чего сейчас больше, анаши, чакиды или героина, – так это, кому что надо, тот такой наркотик и найдет, были бы деньги...».

«...Сейчас все изменилось. Я – наркоман со стажем, исходя из этого, могу сказать, что раньше было легче достать наркотик, и он был чище. Сейчас же за те же деньги в два раза меньше возьмешь и не знаешь, что тебе пропихнут. Не знаю, как сказать, цена-то может и осталась прежняя, но количество, которое за эти деньги дают, сильно изменилось. Исходя из этого, стараешься брать там, где уже знаешь, что барыга не обманывает. О новых наркотиках я не знаю, так как принимаю только героин, разве что понаслышке, о таблетках...».

«...По поводу качества героина, то оно изменилось не в лучшую сторону. Героин стал худшего качества, больше примесей, которые не могут распознать потребители без лабораторных исследований /.../. Цена на героин за последние 12 месяцев практически не изменилась. Все зависит от того, сколько клиент покупает (чем больше, тем дешевле), у кого он покупает (у

разных барыг разные цены). Богатые клиенты не скупаются – для них важно наличие, и барыга предлагает сервис с доставкой на дом с учетом “транспортных” и других расходов. Цена за грамм [в городе Душанбе] колеблется от 40 до 60 сомони /.../. Молодежь в последнее время больше употребляет марихуану. И еще у молодежи спросом пользуется комбинированный наркотик – “дурага”, то есть марихуану мешают с порошком героина, забивают в папиросу и курят. В клубах можно приобрести экстази (40–45 сомони за таблетку)...».

«...В Кулябе, цена героина – 10 сомони за дозу приемлемого качества (“чтобы кайфовать”), 5 сомони – низкого качества (“бутыр”, “чтобы лечиться”). Героин низкого качества распространен, найти очень легко. Большинство потребителей – бедные, покупают некачественный героин. Цена за последний год не изменилась. Опий – 50 сомони за спичечный коробок, хватает на 50 доз, найти сложнее, не так [широко] распространен, как героин. Иногда используется для снятия ломок...».

Наши данные о широкой доступности героина в Таджикистане подтверждаются более ранними исследованиями, проведенными в стране. Так, согласно результатам дозорного эпиднадзора, проведенного в Таджикистане в 2009 году среди потребителей инъекционных наркотиков, из 1657 опрошенных 98,4% употребляли героин. Это более высокий показатель, чем в Казахстане (91,8%) и Кыргызстане (97,9%) – странах, где большинство потребителей наркотиков также употребляют героин (Soliev, 2010a). По сравнению с 2006 годом в Таджикистане он вырос всего лишь на 1,1%. С 2006 до 2009 года количество респондентов, отметивших употребление «другого наркотика», резко сократилось – с 10,7 до 2,2% (Туманов, Асадулов и Чариев, 2010). В другом исследовании, проведенном в 2009 году в Таджикистане «AIDS Projects Management Group» (APMG) среди 1690 потребителей наркотиков в

городах Душанбе, Хорог, Турсун-заде, Файзабад, Худжанд, Куляб и Курган-тубе, 90% сообщили, что никогда не употребляют героин неинъекционным путем; об употреблении иных опиатов сообщалось гораздо реже (APMG, 2009). Это также свидетельствует о доступности и высокой распространенности практики инъекционного употребления героина в республике.

Исследование APMG выявило, что ситуация, связанная с рискованным поведением среди ПИН в городе Кулябе, является одной из самых тревожных в республике. Так, например, согласно ответам участников исследования из этого города, за последний месяц они совместно использовали инъекционное оборудование с очень большим количеством людей (медиана=17) (APMG, 2009). В то же время, распространенность ВИЧ-инфекции среди ПИН города Куляба выросла за последние годы с 18% в 2007 году до 34,5% в 2009 году (Абдуллоев, Дехканова и Аембеков, 2008; Туманов, Асадулов и Чариев, 2010). Здесь необходимо отметить, что уровень распространенности ВИЧ-инфекции среди ПИН в городе Кулябе был самым высоким в республике по сравнению с 7 другими городами, где в 2009 году проводился дозорный эпиднадзор. Собранные нами данные однозначно свидетельствуют о том, что героин является доминирующим и широкодоступным (в том числе по цене) наркотиком на рынке наркотиков города Куляба.

В совокупности с последними эпидемиологическими данными это означает, что город Куляб на сегодняшний день – одна из самых «горячих точек» двойной эпидемии ВИЧ-инфекции и наркопотребления в Таджикистане, и усилия профилактических программ должны быть в срочном порядке сосредоточены на этом городе. К сожалению, существующие эпидемиологические данные по охвату ПИН свидетельствуют об обратной тенденции: охват ПИН города Куляба профилактическими программами (предоставление хотя бы один раз в течение последних 6–12 месяцев информационно-образовательных материалов и/или стерильных игл и

шприцев) сократился с 71% в 2008 году до 36,5% в 2009 году (Абдуллоев, Раджабов и Шабонов, 2009; Туманов, Асадулоев и Чариев, 2010). Необходимо обратить особенное внимание на женщин-потребителей наркотиков. При проведении недавнего исследования АPMG среди 215 ПИН в городе Кулябе среди участников не оказалось ни одной женщины, что свидетельствует о труднодоступности женщин-ПИН для профилактических и исследовательских программ. Между тем наши данные о том, что в Кулябе имеется немалое количество «мелких дилеров»-женщин, почти однозначно указывают на то, что в этом городе (так же, как и везде) не только мужчины, но и женщины употребляют наркотики.

Сведения о насыщенности рынка наркотиков города Куляба героином, возможно, являются косвенным указанием на то, что производство героина может иметь место и внутри самой Хатлонской области. Об этом сообщали некоторые из наших респондентов, хорошо осведомленные о рынках наркотиков в Таджикистане (данные не включены).

Сообщения многих наших респондентов о том, что за последнее время качество героина в Таджикистане улучшилось, имеют особую важность в контексте статистики по смертности среди ПИН, связанной с передозировками. Дело в том, что при резком повышении уровня качества героина многие ПИН, привыкшие к инъекционному употреблению менее качественного героина, подвергаются высокому риску передозировки. В этой связи особый интерес представляют недавно опубликованные «Population Services International» (PSI) результаты исследования, проведенного среди 1454 ПИН в Казахстане (n=503), Кыргызстане (n=520) и Таджикистане (n=431). Согласно результатам исследования, 45% респондентов в Таджикистане, 56% в Кыргызстане и 48,5% в Казахстане были свидетелями передозировки за последние 12 месяцев. Кроме того, около четверти респондентов в каждой из этих стран сообщили о том, что в течение последних 12 месяцев были свидетелями смерти от передозировки (PSI, 2010). В случае достоверности это, с одной стороны, является косвенным доказательством того, что не только в

Таджикистане, но и в Казахстане, и в Кыргызстане качество героина может значительно колебаться, и среди ПИН нередки случаи использования высококачественного героина на фоне преобладающего более низкого качества героина. С другой стороны, высокая частота случаев летальных и нелетальных передозировок среди ПИН в странах Центральной Азии должна вызывать особую тревогу и озабоченность и незамедлительно привлечь внимание правительств этих стран и тех, кто финансирует и осуществляет программы снижения вреда среди ПИН. Утверждения наших респондентов о появлении героина с особыми примесями, от которого «много людей умерли», требуют пристального рассмотрения и проведения дальнейших исследований среди потребителей инъекционных наркотиков.

Сообщения наших респондентов о широкой доступности марихуаны и гашиша в Таджикистане в определенной степени подтверждаются официальной статистикой по изъятию наркотических средств. Так, согласно данным АКН, 2010 год стал годом, «в котором за последние 6 лет [в Таджикистане] было изъято наименьшее количество наркотиков опийной группы, и вторым годом, когда наркотики каннабисной группы преобладают над изъятиями опийной группы» (АКН, 2011).

На таких наркотиках, как экстази, метадон и кокаин, а также на каналах их поступления в республику необходимо остановиться отдельно. Согласно опубликованным данным, таблетки экстази впервые были изъяты правоохранительными органами Республики Таджикистан в 2006 году. В обзоре наркоситуации за 2006 год АКН Таджикистана сообщало следующее: «[В] 2006 году имеются случаи изъятия таблеток экстази, которые ранее на территории Республики Таджикистан не изымались. Таблетки содержат в своем составе психотропное вещество 3,4 метилендиоксиметамфетамин (МДМА) и значительно различаются по качественному химическому составу» (АКН, 2007). 13 ноября 2010 года, по сообщениям УНП ООН, сотрудниками Министерства внутренних дел (МВД) РТ были изъяты 1880 таблеток экстази, что на тот момент стало самым крупным изъятием данного вида наркотиков

в Таджикистане. По информации МВД РТ, эти таблетки были ввезены в Таджикистан из стран Балтии автомобильным транспортом через территорию России (UNODC, 2011а). Однако 12 мая 2011 года сотрудники АКН Таджикистана задержали жителя и уроженца города Куляба, у которого было изъято около 500 таблеток экстази, и, по предварительной информации, он приобрел их у гражданина Исламской Республики Афганистан для реализации в Таджикистане в «местах массового отдыха молодежи» («Изъята крупная партия экстази», 2011). Тот факт, что таблетки были приобретены жителем граничащей с Афганистаном Хатлонской области у гражданина Афганистана, является крайне значимым и может свидетельствовать о том, что через таджикско-афганскую границу поступают не только «традиционные» наркотики растительного происхождения и героин, но и другие виды наркотиков для реализации на внутреннем рынке страны. С другой стороны, следует отметить, что информация о том, что задержанный уроженец города Куляба намеревался реализовать свой товар по цене «в среднем от 20 до 30 долларов США за одну таблетку», противоречит собранным нами данным, согласно которым в танцевально-развлекательных заведениях города Душанбе можно приобрести таблетки экстази по цене около 10 долларов США за таблетку. Вопрос столь значительного расхождения в цене требует дальнейшего изучения.

Так же, как информация АКН о вовлечении граждан Афганистана в сбыт экстази в Таджикистане является новой и крайне важной, новыми и важными являются наши данные о том, что в Таджикистане, на рынках наркотиков есть метадон, завозимый из Ирана (вероятнее всего, через соседние страны), и кокаин – из Китая, России и Ирана. Здесь кроме «ирано-таджикского канала»² особенно важным является также направление Китай-Таджикистан. Дело в том, что до настоящего времени опасения многих специалистов были связаны с тем, что через таджикско-китайскую границу,

² Согласно недавно опубликованному Всемирному докладу о наркотиках, с 2009 года в Исламской Республике Иран имеет место значительное производство метамфетамина (UNODC, 2011b), и не исключено, что определенная часть произведенных в Иране метамфетаминов поступает и в Таджикистан.

по направлению из Таджикистана в Китай (цена на героин в соседней провинции Синьцзян гораздо выше), могут перевозиться контрабандным путем опиаты афганского происхождения (Townsend, 2005; Townsend, 2006). Однако, как видно из сообщений наших респондентов, совсем не обязательным является использование этого канала транспортировки наркотиков лишь в одном направлении. И это нельзя не учитывать. Важно отметить то, что кокаин, по-видимому, имеется в наличии на таджикском рынке наркотиков не первый год. Об этом свидетельствуют данные Министерства здравоохранения РТ, согласно которым в стране еще до 2005 года был зарегистрирован один смертельный случай, связанный с употреблением кокаина (Латыпов и соавторы, 2006).

Наши респонденты указали, что в героине в качестве примесей могут быть сахар, мука, манка и т.д., которые сами потребители не могут распознать. Эти сведения в определенной степени подтверждаются результатами экспертизы изъятых в Таджикистане наркотиков, опубликованными АКН. В ежегодных обзорах наркоситуации в республике АКН сообщает о том, что в героине в качестве примесей используют сахарозу (АКН, 2009). Более того, на протяжении многих лет в качестве примесей также используются кофеин и парацетамол, которые «вероятнее всего» смешиваются с героином непосредственными производителями в Афганистане (АКН, 2008; АКН, 2009; АКН, 2010; АКН, 2011).

Теперь рассмотрим, как менялись цены на наркотические средства в 2005, 2008 и 2009 годах.

Таблица 1. Ориентировочные оптовые цены на опий-сырец и героин высокой и низкой очистки в городе ДУШАНБЕ в 2005, 2008 и 2009 годах (в долларах США за 1 кг)

Виды опиатов и уровень очистки	2005	2008	2009
Героин высокой очистки	4500–4700	3800–4500	3700–4200
Героин низкой очистки	1200–1500	1800–2200	1800–2500
Опий-сырец	420–450	700–800	450–550

Источники: АКН, 2009; АКН, 2010; Латыпов и соавторы, 2006.

Таблица 2. Ориентировочные оптовые цены на опий-сырец и героин высокой и низкой очистки в ХАТЛОНСКОЙ ОБЛАСТИ в 2005, 2008 и 2009 годах (в долларах США за 1 кг)

Виды опиатов и уровень очистки	2005	2008	2009
Героин высокой очистки	4000–5000	3000–3500	3000–3500
Героин низкой очистки	1000–1300	1500–2000	1500–2000
Опий-сырец	400–450	300–350	300–350

Источники: АКН, 2009; АКН, 2010; Латыпов и соавторы, 2006.

Таблица 3. Ориентировочные оптовые цены на опий-сырец и героин высокой и низкой очистки в ГОРНО-БАДАХШАНСКОЙ АВТНОМНОЙ ОБЛАСТИ в 2005, 2008 и 2009 годах (в долларах США за 1 кг)

Виды опиатов и уровень очистки	2005	2008	2009
Героин высокой очистки	4000–4500	4000–5000	3000–3500
Героин низкой очистки	1000–1300	2000–2700	1300–1500
Опий-сырец	200–300	200–300	200–300

Источники: АКН, 2009; АКН, 2010; Латыпов и соавторы, 2006.

Таблица 4. Ориентировочные оптовые цены на опий-сырец и героин высокой и низкой очистки в СОГДИЙСКОЙ ОБЛАСТИ в 2005, 2008 и 2009 годах (в долларах США за 1 кг)

Виды опиатов и уровень очистки	2005	2008	2009
Героин высокой очистки	6500–15000	7000–8000	6000–8000
Героин низкой очистки	2000–6000	4000–4500	3000–4000
Опий-сырец	700–3000	800–1000	600–800

Источники: АКН, 2009; АКН, 2010; Латыпов и соавторы, 2006.

Учитывая данные, полученные в ходе обсуждений на фокус-группах с потребителями наркотиков в городах Душанбе и Кулябе, можно еще добавить, что розничная «уличная» цена героина высокого качества в 2005 году составляла в Душанбе – 10–15 долларов США за 1 грамм, в Кулябе – 5–7 долларов США за 1 грамм, то есть примерно в 1,3–3 раза выше оптовой (Латыпов и соавторы, 2006).

Из приведенных выше таблиц становится очевидным, что за эти годы в городе Душанбе имело место стабильное снижение оптовых цен на героин высокой очистки. Вместе с тем цена на героин низкой очистки незначительно увеличилась, а на опий-сырец – резко возросла к 2008 году, но затем снизилась до уровня цен, чуть выше зарегистрированных в 2005 году. В Хатлонской области, также как и в Душанбе, оптовая цена на героин высокой очистки в 2008 и 2009 годах была ниже, чем в 2005 году, а цена на героин низкой очистки возросла. В Хатлонской области в 2008 году не было скачка цен на опий-сырец, и, соответственно, в 2008 и 2009 годах они были ниже уровня цен 2005 года. В Горно-Бадахшанской автономной области цена на героин высокой очистки в 2009 году также была ниже цены 2005 года, а цена на героин низкой очистки – немного выше. Цена на опий-сырец не менялась на протяжении всего промежутка времени между 2005 и 2009 годами. В Согдийской области зарегистрированы самые значительные колебания цен, но если за основу брать нижнюю границу диапазона цен, то и здесь можно наблюдать ту же тенденцию, что и в других регионах республики: цена на героин высокой очистки в 2009 году была ниже цены 2005 года, в то время как цена на героин низкой очистки возросла.

В данной связи утверждения наших респондентов о том, что героин стал доступнее, чище и дешевле, вполне соотносятся с тенденцией к снижению оптовых цен на героин высокой очистки, зарегистрированной правоохранительными органами Таджикистана. На сегодняшний день в городе Душанбе героин высокой очистки можно приобрести по средней

оптовой цене от трех до четырех тысяч долларов США за 1 килограмм, то есть ниже уровня 2005 и 2009 годов. Данная тенденция к снижению уровня цен на героин высокой очистки в Таджикистане соответствует изменениям на рынке наркотиков, имевшим место в Афганистане, где средняя цена на героин в 2009 году была ниже уровня цен 2006 года (АКН, 2010).

В то же время не снижаются «уличные» цены на героин низкой очистки для потребителей, имеющих доступ лишь к незначительным финансовым средствам и покупающих «шпонками». Учитывая, что максимальная оптовая цена на героин низкой очистки в Душанбе в 2009 году составляла 2500 долларов США за 1 кг, а продают его сегодня потребителям с низким доходом в розницу по цене от 9 до 12 долларов за грамм (40–60 сомони за грамм), становится понятно, какая значительная сумма остается у мелкооптовых сбытчиков (и их «покровителей») после сбыта героина конечному потребителю.

Вышеизложенный анализ динамики цен на опиаты в городе Душанбе и трех областях Республики Таджикистан и выявленная нами тенденция к повышению уровня доступности опиатов и снижению уровня цен на героин высокой очистки имеют важное значение для более внимательного изучения корреляционного соотношения количества изъятых правоохранными органами РТ опиатов и масштабом их производства в Исламской Республике Афганистан. Дело в том, что сотрудники правоохранных органов в Таджикистане объясняют резкое сокращение количества изъятых опиатов в стране за последние три года (2008–2010 годы) тремя основными факторами: активизацией деятельности правоохранных органов и силовых структур на территории Афганистана, повышением роли северочерноморского маршрута в транспортировке наркотиков из Афганистана, сокращением производства опиума в Афганистане (АКН, 2011). Если следовать данной логике, то все вышеизложенные факторы, в конечном счете, сводятся к одному: количество опиатов, изымаемых на территории Республики Таджикистан, сокращается ввиду снижения общего объема

потока афганского наркотрафика из Афганистана в Таджикистан или через Таджикистан. Однако это утверждение очевидным образом противоречит выявленным нами тенденциям по динамике цен и доступности опиатов: героина в Таджикистане стало больше, он стоит дешевле, и его приобретение становится более легким.

Как же можно объяснить противоречивость этих двух положений? По мнению авторов Всемирного доклада о наркотиках за 2009 год, на количество незаконных наркотиков, изъятых за отдельно взятый период, могут повлиять два главных фактора: 1) имеющееся предложение конкретного вида наркотика на незаконном рынке; 2) эффективность мер, предпринимаемых правоохрнительными органами по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (UNODC, 2009). Героин в Таджикистане становится более доступным, и о сокращении предложения вряд ли идет речь. В следующих главах мы попытаемся ответить на вопрос, почему же в Таджикистане количество наркотиков, изымаемых из незаконного оборота, имеет тенденцию к сокращению, и оценить эффективность работы местных правоохрнительных органов в области борьбы с наркотиками.

Героин, изъятый в Таджикистане

4. ВОЗМОЖНО ЛИ ТОРГОВАТЬ НАРКОТИКАМИ В ТАДЖИКИСТАНЕ БЕЗ ВЕДОМА СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ?

«...Если закрыть границу, прекратить контрабанду наркотиков, то Таджикистан снова дойдет до войны от нищеты и голода...».

На сегодняшний день опубликовано немало работ о том, в какой степени правоохранные органы Республики Таджикистан и других стран Центральной Азии вовлечены в незаконный оборот наркотических средств. В основном эти материалы представлены исследованиями, написанными на английском языке, что создает определенные трудности для региональных специалистов (см., например: ICG, 2011; ICG, 2009; Paoli et al., 2007; Marat, 2006; Townsend, 2006; ICG, 2001). В то же время, за исключением данных опросов зарубежных специалистов, работающих в странах Центральной Азии, все остальные выводы и заключения построены исключительно на информации из местных источников: публикаций в СМИ, данных опросов национальных экспертов и населения, интервью с представителями государственной власти, а также с людьми, употребляющими или когда-либо употреблявшими наркотики. Иными словами, то, о чем пойдет речь дальше, в основной своей части не должно стать новостью для региональных исследователей, занимающихся изучением вопросов, связанных с незаконным оборотом наркотиков в государствах Центральной Азии.

Так, например, если исходить из информации, представленной в работе Летиции Паоли и ее соавторов, еще в 2000 и 2004 годах АКН Таджикистана в рамках международных проектов занималось разработкой детальных отчетов о криминальном рынке наркотиков в городе Душанбе и торговле опиатами в Таджикистане, в которых *inter alia* затрагивалась тема

вовлечения отдельных сотрудников правоохранительных органов в торговлю наркотиками (Paoli et al., 2007). О том, что одни сотрудники правоохранительных органов Казахстана продают изъятые наркотики потребителям, а другие сотрудники – «выдающиеся наркодилеры» – регулируют цены на рынках наркотиков, «Хьюман Райтс Вотч» писала еще в 2003 году (HRW, 2003). Сегодня в странах Центральной Азии, судя по публикациям из Кыргызстана, значительно возросла проблема «трансформации» сотрудников правоохранительных органов из «наркобойцов» в «барыг» и «наркобаронов». Согласно недавнему опросу, проведенному в Бишкеке НПО «Право на жизнь», из 250 респондентов – потребителей наркотиков около 36% приобретают наркотики напрямую у сотрудников правоохранительных органов (Lewis, 2010). Как пишет Анастасия Кузина (2011), в Кыргызстане термин «красный героин» (которым торгуют сотрудники МВД) стал уже практически официальным: по оценкам местных экспертов, «красного героина» в республике – 75%; «силовики не только «крышуют», но и вытесняют уголовников. Потребители жалуются – милиционеры заставляют их продавать или покупать изъятый товар. Причем «красный героин» идет не только на внутренний рынок, но и за границу...» (Зеличенко, цит. по: Кузина, 2011).³ Пожалуй, ничем не лучше ситуация и в России (Sarang et al., 2010).⁴

О том, как сегодня обстоят дела с участием сотрудников таджикских правоохранительных органов в наркоторговле и возможно ли торговать наркотиками в Таджикистане без их ведома, – в красноречивых свидетельствах наших респондентов.

³ Смотрите также Александр Зеличенко, «Третья сила»??? Эхо Оша, № 46 (15286), 22 июня 2011 года; Александр Зеличенко ««Третья сила» пресловутая», *Вечерний Бишкек*, № 101 (10257), 14 июня 2011 года.

⁴ Смотрите, например, блог сотрудников правоохранительных органов на эту тему и ряд публикаций в российских СМИ: www.police-russia.ru/showthread.php?s=06e862a154f77f66e3327ad699962584&p=1669563 ; <http://moscow-live.ru/2011/05/18/v-moskve-zaderzhan-sotrudnik-milicii-podozrevaemyy-v-torgovle-narkotikami.html> ; <http://www.vechernie-chelny.ru/view.php?viewyear=2010&viewnum=37&viewart=12> ; <http://www.utro.ru/news/2010/11/28/940255.shtml> ; <http://www.mk.ru/social/article/2011/07/21/607576-vmesto-narkobaronov-poprezhnemu-sidyat-narkomanyi.html> (все ссылки доступны на 21 июля 2011 года).

«...Ну, эти точки, где наркотиками торгуют под крышей сотрудников органов, особо никак не называются /.../. [Просто] там все схвачено, без палева. В этой территории тебя не тронут /.../. Можно прямо на этой территории вмазаться и выйти. Нет такого, что 100% ты выйдешь и тебя поймут. Только если ты в розыске. А так, все чисто там. Главное, чтобы деньги были. Если деньги есть, позвонил, тебе привезут. А если для плана, для результата, – свои же люди есть. Дают героин барыгам, чтобы те подставили пару наркоманов для результата. И они подставляют...».

«...Правоохранительные органы изымают, а потом отдают своим барыгам, которые продают и, соответственно, отдают долю. Они сами не продают напрямую, они как бы крышуют. Если, например, что-то случится с барыгой, которого они крышуют, они вытаскивают его. И поэтому барыга уверен, что у него есть защита; поэтому-то все и открыто продают героин /.../. В основном без крыши тяжело. Есть, наверное, считанные люди, которые торгуют без ментовской крыши. Но у них все время проблемы с органами. Они больше платят органам. Такой барыга долго не продержится. Его быстро возьмут. Либо посадят, либо завербуют /.../. Такое тоже бывает, что на хвост ментов, которые крышуют барыгу, садятся другие менты. И не раз было. Видимо, они как-то между собой договариваются. Может, за счет того же барыги, он делится с крышей, а те, в свою очередь, с другими ментами. Это – система. Это уже стало нормальным явлением. Одни менты делятся с другими ментами...».

«...Есть точки, которые крышуют менты, но у них тоже нет названий каких-либо. Когда болеешь – поедешь куда угодно. Но я стараюсь ездить в точки, которые не крышуются, которые безопасны для меня. Но таких точек раз, два и обчелся...».

«...Насколько вовлечены сотрудники правоохранительных органов в торговлю наркотиков? Процентом на 70. Это все под их контролем, это точно. Можно далеко не ходить. Всю жизнь он продает наркотики, жена продает, брат продает, дом у них частный, две-три машины у него. Сам он колется. Все знают про него, и "Агентство", и участковый, и менты. Но он на вынос редко кому дает. Только там, у него: хочешь – нюхашь, хочешь – куришь, но не вмазываешься. А тем, кто колется, он на вынос дает, и если тебя возьмут возле его дома, то он тебя отмажет сразу. У него своя крыша, кому он конкретно отстегивает, и никто к нему не лезет. Никто из других отделов к нему не лезет, хоть и все знают...».

«...Я сам не покупал, но говорят, что менты торгуют. Когда болеешь, приходишь к ним, и они дают барыге грамм 20–30, те торгуют. Кончится, опять приходишь, так, по мелочи. Но я сам лично не покупал...».

«...Есть такие барыги, которых не крышуют, но они долго не продержатся. Самое большее – месяца два-три торгуют, и потом их посадят сразу...».

«...Например, взяли одного барыгу, и его крышует один мент. Они созваниваются, договариваются и просто отстегивают долю. По минимуму платят. И все – его отпускают, барыгу. Они, менты, друг другу помогают. Они же все наркотиками занимаются, все зависят друг от друга. Поэтому и помогают...».

«...Сейчас время такое – открытое. Наркотики продаются давно, очень много народу умерло. Сейчас мало старых наркоманов. Наркотики, реализующиеся

под крышей органов, реализуются через барыг. Многие разошлись, они уже не мелочатся. Если ты бедный и с тебя нечего взять, они либо отпустят, либо сделают себе результат. Но если у тебя родня богатая или знаменитая, то они грузят уже другими суммами: от 15 000 до 20 000 долларов. Я могу сказать однозначно, что любая структура правоохранительных органов обязательно будет этим заниматься /.../. Наша страна слишком бедная, и после войны мы никак не придем в себя. Правительство не создает условий для нормальной возможности заработать. Поэтому все, кто может, занимаются наркотиками, потому что это 100%-й кусок хлеба и 100%-я тюрьма. И от безработицы становятся наркоманами...».

«...Без ментовской крыши знаю некоторых барыг, но такого сразу сдадут. И менты его либо посадят, либо возьмут с него бабки, либо завербуют под свою крышу. Сейчас в Таджикистане это все легально. Если закрыть границу, прекратить контрабанду наркотиков, то Таджикистан снова дойдет до войны от нищеты и голода. Нет со стороны правительства уважения к простому человеку. Простой человек тут никто. А если еще и отсидел, то вообще для тебя нет будущего...».

«...Правоохранительные органы в основном сами курируют “наркополитику”: сами же поставляют барыгам героин, сами же ловят и отпускают. Этот круговорот не заканчивается. Они и крышуют своих барыг, а поймают конкурентов – сажают для результатов работы...».

«...Время от времени участковый забирает долю, и так далее. Что знал, то и рассказал...».

«...Я думаю, что 85% работников органов замешаны в поставке и сбыте героина. На их зарплату нельзя купить крутые тачки, на которых они разъезжают. Наркотики они берут из отделов (“вещдоки”), где и работают. Они поставляют героин своим барыгам, сами же их охраняют, и сами же ловят покупателей. Бывает, что героин крутится на месте, не покидая точки. И этим занимаются практически все отделы города Душанбе и других регионов страны. Говорят, что их ловит СБ [служба [собственной] безопасности], но сажают ли их – [в это] с трудом верится: или отпускают, или же просто снимают с должности /.../. А в этой среде “наркополитики” есть все чиновники, начиная от пожарников до работников хукумата...».

«...Одно время работал в гостинице охранником. Я лично видел, как милиция имела дело с наркоманами и проститутками. Наркоманам они частенько поставляли героин для продажи, а проститутки нужны были им, чтобы поймать клиентов и содрать деньги. Еще при задержании наркоманок они требовали интима за свободу...».

«...В Кулябе в последнее время поменяли начальника горотдела. Он ведет чистку так называемых оборотней в погонах, и для этого были приглашены милиционеры из других областей и городов. Я слышал, что уже нескольких посадили...».

«...Лично не знаю, но слышал, что в Кулябе большинству барыг героин поставляют сами менты, и барыги сами тоже наводили на ребят ментов для задержания и приобретения героина у них. Я считаю, что 90% ментов таким образом зарабатывают деньги на жизнь /.../. [Человека], работавшего в милиции, поймали на взятке, которую он взял у очередного наркодилера, все это засняли на камеру, а его посадили. Я слышал, что есть еще вышестоящие

чиновники, которые связаны с “наркополитикой”: депутаты, прокуроры и работники хукумата...».

«...Только менты крышуют. Все под контролем ментов. И в Кулябе тоже. Менты все контролируют /.../. Даже приходишь к барыге домой, там менты сидят [и] обедают, ты покупаешь при них, они все видят, а ты покупаешь и выходишь...».

«...В Кулябе многие милиционеры ловят потребителей и заставляют работать на них, продавая героин или подставляя других потребителей и распространителей. У каждого барыги есть своя крыша ментовская и родственники, которые живут рядом с границей и могут обеспечить героин. Те милиционеры, которые занимают высокие должности, ловят тех, кто меньшего звания и кто также имеет своих барыг. Есть еще такие барыги, которые работают самостоятельно, но их вылавливают и сажают /.../. В Кулябе точки по продаже наркотиков называют «офисами» – там помимо ментов есть [еще и] пограничники («офицеры»), которые стоят на посту...».

«Сотрудники правоохранительных органов крышуют барыг в Кулябе и в других городах Таджикистана. Героин ментам поставляют пограничники, и они затем распределяют его среди местных барыг для последующей продажи потребителям...».

«...Практически все барыги в поле зрения ментов. Очень редки случаи, когда барыга торгует и о нем не знают либо его не беспокоят менты. Барыги практически все контактируют с ментами, по разным поводам!! Основным

поводом для контакта является то, что человек – барыга. А дальше – на усмотрение ментов: нужен результат, то есть нужно кого-то арестовать, барыга подставит; нужны деньги – барыга «подогревает»; нужны еще деньги – барыга кого-то подставит, и тот заплатит; нужен наркотик, чтобы кого-то подставить, – барыга предоставит наркотик; нужно решить проблемы «доверенного» барыги с другими ментами – менты решат эти проблемы; нужна информация о наркоманах – барыга предоставит. Другими словами, менты «очень» вовлечены в этот бизнес...».

«..Есть случаи, когда торгуют менты, но это в основном либо мелкооптовая торговля, либо регулярная подпитка наркотиком «своего/своих» барыг. А крышу предоставляют. Есть случаи, когда барыга торгует без ментовской крыши, но это редкие случаи. И в этих случаях барыга либо торгует разово (по мере возможности, или случайно перепал наркотик и нужно избавиться от него – но не выбросить же), либо этот барыга попадает в поле зрения ментов, и его «прорабатывают», и в этом случае у него есть два выхода: 1) работать на ментов или платить; 2) сесть в тюрьму...».

«...Крышуют барыг, продажа самими ментами практически не встречается. Часто менты подставляют барыг через наркопотребителей (за деньги или угрозами), чтобы выполнять план по арестам...».

«...Про это же все знают, что все барыги торгуют под крышей ментов, и им в основном менты и привозят. Забирают у кого-нибудь и отдают своим барыгам. А как они контролируют этот процесс между ментом и барыгой – это их взаимоотношения, я сам не знаю. Практически ни один барыга на какой-либо территории не торгует и недели без ментовской крыши. Его тут же поднимут. Это ведь все деньги, и без своей доли ни один мент барыгу

крышевать не будет. Бывает, что менты другого района забирают барыгу. Естественно, менты, которые крышуют этого барыгу, вступаются за него. А как они разруливают эту ситуацию – это уже не ко мне вопрос /.../. Менты сами не торгуют наркотиками, только через своих барыг. А какие менты этим занимаются, – думаю, что все, у кого есть доступ к героину...».

«...Могу вам сказать, что все барыги работают с ментами или же под ними. Ни один барыга не сможет торговать героином без покровительства ментов. Или барыга продает героин от ментов, или, если нашел сам, то он должен долю давать ментам. А где менты берут героин? Там, где ловят других барыг. У них они забирают героин, и еще барыга денег дает. Вот этот героин менты отдают своему барыге. У каждого барыги есть свой мент, который крышует его и за это получает деньги. Менты сами никогда не будут торговать. Как я вам говорил, без крыши ментов ни один барыга не торгует; бывает редко, когда какому-нибудь наркоману попало 10–20 грамм, вот он сам часть продает, часть сам употребляет. Это чтобы погасить свои вложенные деньги, и еще себе на употребление. Вот в этом случае о крышевании никто не говорит...».

«...Когда меня поймали, [я] была на ломках, [и] он позвонил кому-то, сказал выйди, тебе принесут, и это был один из барыг, которого я знаю. Из этого я поняла, что он работает с ментами. Менты с ментами всегда найдут общий язык, думаю, какие бы проблемы у них ни возникали, они всегда решат их. Нет особых названий тех точек, которые работают с ментами, просто наркоман знает это для себя, и что это особый риск, но во время ломок особо об этом не думаешь...».

«...Нет, не слышала, чтобы менты сами продавали героин. Да, все органы повязаны в торговле наркотиками, кто больше, кто меньше. Больше мне нечего сказать...».

«...У меня был друг, он торговал героином, марихуаной, его крышевали менты. Я видел их случайно и спросил, что они у него делали. Он сказал, что они его крыша /.../. Когда торгуют под крышей, то барыги выдают сами себя, когда говорят, что их никто не тронет, потому что он под крышей, пусть попробуют тронуть. И наркоманы стараются обходить таких барыг, если у других барыг не будет героина, то тогда они вынуждены ходить к таким барыгам...».

«...Как я знаю, в одном приграничном районе при задержке передачи денег за наркотики афганской стороне были взяты в заложники в афганскую сторону до 25 человек. В ситуацию вмешалось государство, и в этот момент тянучки наркотик не поступал в сторону Таджикистана, и за короткий срок город остался без наркотиков, и на глазах они подорожали. Так как сейчас в городе очень много людей, употребляющих наркотики, барыги буквально за два-три дня остались без товара, поэтому наркоманы заменяли наркотики тяжелыми психотропными таблетками или опиумом. Опиум намного труднее найти, чем героин, к тому же он еще и дороже. Вот это одна из причин, из-за которой в городе наступил жесткий момент дефицита наркотиков. Ну потом ситуацию урегулировали, долги отдали, правда, я не знаю, как это делается. Там у них свои пути. Поэтому удивляться чему-то не стоит /.../. Каналы налажены, многие государственные деятели занимаются торговлей наркотиками. Это уже как полулегальный бизнес стал в РТ. Можно сказать, что это стал спасательный бизнес для мелких нищих государств, как наше. Так как у нас нет ни заводов, ни фабрик...».

«...Да, например, когда я кололся, на ломках я шел обычно к барыге, а есть некоторые, кто на ломках идут в ОБНОН, к своему шефу: у каждого информатора свой шеф [есть]. Заходит, берет свою дозу, и вот так на них работают...».

«...Если даже сотрудники органов не вовлечены, они все видят, стараются ловить. Поймают, им хорошо, могут с него получить деньги. Выйти на родителей и запугать их, и получить все, что им надо от них. А так, приносят баралгин или другие таблетки и продают за двойную цену...».

«...А на свободе есть специальные отделы, которые специально этим и занимаются [что садятся на хвост другим ментам]. Это не для улучшения ситуации, а также для получения денег. Это самый лучший и самый выгодный способ получить много денег. Если поймают сотрудника государства, милиции, то можно получить огромные деньги. Чтобы не потерять работу, чтобы не потерять звание, он выложит любые бабки. Цены очень отличаются [в зависимости от того], если мент поймает наркомана, и если мент поймает мента. Сотруднику милиции, которого поймают с полграммом, например, будет в два раза тяжелее: он обязательно получит срок, если не отмажется. А наркомана за полграмма могут и отпустить. К тому же сейчас такое время, что все стали милиционерами, юристами. Ну нет фабрик, заводов – вот и осталось, что быть ментом. Один-два удерживаются на работе, [а] многие головы летят...».

5. КОГО В ТАДЖИКИСТАНЕ ЗАДЕРЖИВАЮТ И ПРИВЛЕКАЮТ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯ, А КОГО НЕ ЗАДЕРЖИВАЮТ?

Статистические данные по наркопреступности, публикуемые ежегодно АКН Таджикистана, дают определенное представление о том, кого в Таджикистане, согласно сведениям правоохранительных органов, задерживают и осуждают за наркопреступления. Кроме того, ценную информацию о том, кто и при каких обстоятельствах задерживается по подозрению в причастности к совершению преступлений, связанных с наркотиками, содержат публикуемые на веб-сайте учреждения сводки об изъятии наркотических средств.

Согласно обзору наркоситуации в Республике Таджикистан за 2010 год, за наркопреступления (или, точнее, по подозрению за совершение наркопреступления) большей частью арестовываются люди в возрасте старше 30 лет (67%) и нигде не работающие (83,8%). Доля женщин, арестованных за наркопреступления в 2010 году, составила 5,3% (АКН, 2011). В 2010 году были задержаны 43 иностранных гражданина – в основном граждане Афганистана (АКН, 2011).

Если говорить о тех людях, которые были осуждены за наркопреступления в 2010 году, то среди них доля женщин составила 5,8%. В предыдущие годы доля женщин, привлеченных к уголовной ответственности за наркопреступления, составила: в 2009 году – 5,8%, в 2008 году – 5,4%, в 2007 году – 10,5%, в 2006 году – 9,1%, в 2005 году – 8,4% (АКН, 2011; АКН, 2010; АКН, 2009; АКН, 2008; АКН, 2007; АКН, 2006).

Из числа привлеченных к уголовной ответственности за наркопреступления в 2010 году 64,7% – безработные и нигде не учащиеся, 24,8% – ранее уже привлекались к уголовной ответственности, 13% имели диагноз наркомания (АКН, 2011). В предыдущие годы этот показатель

составлял: в 2009 году – 7,7%, в 2008 году – 17,4%, в 2007 году – 10,9%, в 2006 году – 8,2% (АКН, 2010; АКН, 2009; АКН, 2008; АКН, 2007).

Таблица 5. Количество осужденных за совершение наркопреступлений и количество зарегистрированных наркопреступлений в Республике Таджикистан в 2001–2006 годах. Соотношение показателей

	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Осужденные за наркопреступления	2048	1295	1042	819	911	863
Зарегистрированные наркопреступления	1922	1387	877	754	620	581
Соотношение количества осужденных за наркопреступления к количеству зарегистрированных наркопреступлений	1,07	0,93	1,19	1,09	1,47	1,49

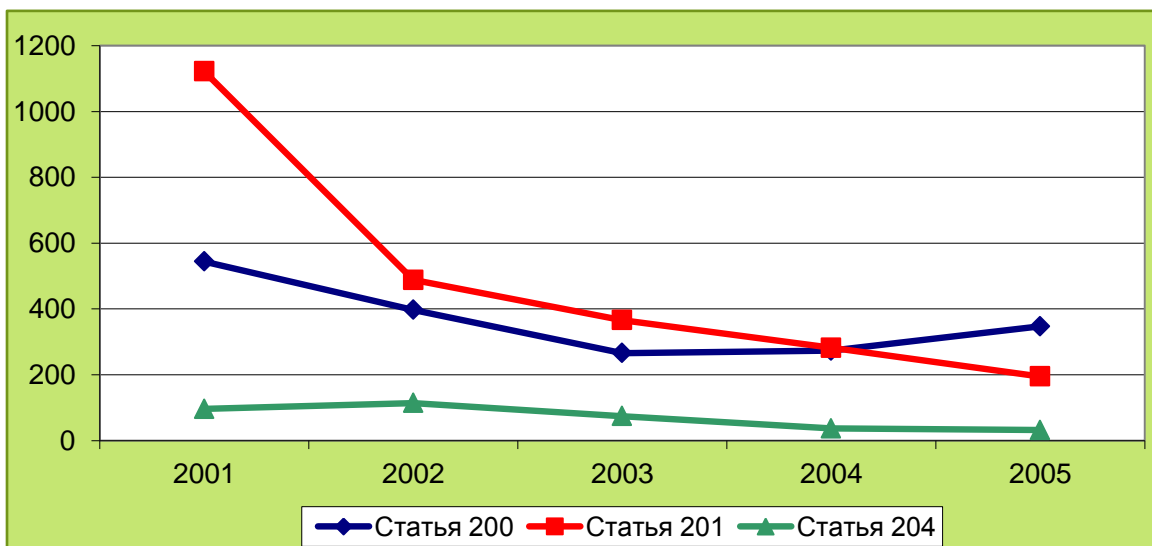
Источники: АКН, ежегодные обзоры наркоситуации в Республике Таджикистан

Таблица 6. Распределение наркопреступлений в Республике Таджикистан за 2001–2006 годы по статьям 200, 201 и 204 Уголовного кодекса Республики Таджикистан

	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Ст. 200 УК РТ «Незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ с целью сбыта»	544	397	266	273	347	379
Ст. 201 УК РТ «Незаконное обращение с наркотическими средствами или психотропными веществами» (без цели сбыта)	1122	488	366	282	195	213
Ст. 204 УК РТ «Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества»	96	114	74	37	32	39

Источники: АКН, ежегодные обзоры наркоситуации в Республике Таджикистан

Динамика изменений в структуре наркопреступлений, совершенных в Республике Таджикистан (по годам и статьям Уголовного кодекса РТ)

Источники: АКН, ежегодные обзоры наркоситуации в Республике Таджикистан; Латыпов и соавторы, 2006.

На основе вышеприведенных данных можно выявить несколько важных тенденций, появившихся в Таджикистане в первое десятилетие XXI века. Так, например, соотношение количества осужденных за наркопреступления к количеству зарегистрированных наркопреступлений свидетельствует, что за шесть лет, с 2001 по 2006 годы, за каждое выявленное наркопреступление осуждено в среднем от 0,93 до 1,49 человека. Безусловно, с момента регистрации наркопреступления до вынесения приговора проходит немало времени. Может случиться так, что наркопреступление было выявлено в одном году, а осудят (или нет) за данное преступление в следующем году. Однако необходимо учитывать, что определенная часть наркотиков изымается правоохранительными органами и силовыми структурами Таджикистана на таджикско-афганской границе без задержания граждан, вовлеченных в незаконный оборот. Поэтому здесь важно

рассматривать данные не за отдельно взятый год, а за как можно больший промежуток времени, что мы и попытались сделать в настоящем разделе.

Показатель соотношения количества осужденных за наркопреступления к количеству зарегистрированных наркопреступлений, на наш взгляд, является подтверждением того, что в ряде случаев, ввиду различных объективных и субъективных обстоятельств, расследования наркопреступлений не приводят к разоблачению и осуждению групп лиц, стоящих за организацией этих преступлений, и ограничиваются осуждением наркокурьеров или отдельных сбытчиков, на смену которым почти сразу же приходят новые. В том, что такая тенденция сохраняется на протяжении всего последнего десятилетия, можно убедиться, если просмотреть ежегодные обзоры наркоситуации (см., например: АКН, 2011; АКН, 2010) и сообщения в СМИ о выявленных в Таджикистане наркопреступлениях. Нельзя не сказать о том, что бывают случаи разоблачения крупных организованных преступных группировок, имеющих международные связи, но выявление такого рода наркопреступлений – редкое исключение («Сотрудниками АКН нанесен ощутимый удар по международному наркоторговле, 2010») и, как отмечается в недавнем докладе Глобальной комиссии по вопросам наркополитики, «даже крупнейшие и наиболее успешные операции против организованной преступности (на планирование и проведение которых требуются годы), как свидетельствуют факты, в лучшем случае оказывают незначительное и недолговечное воздействие на цены и доступность наркотиков» (Global Commission on Drug Policy, 2011).

С другой стороны, очевидно, что значительное количество людей осуждается за незаконное обращение с наркотиками без цели сбыта, и в таких случаях на каждое выявленное наркопреступление к уголовной ответственности привлекается (как правило) один человек. Вопрос о том, кого осуждают за обращение с наркотиками без цели сбыта, стоит не одной

человеческой жизни (а также немалого количества денег⁵), так как здесь в первую очередь речь идет о людях, зависимых от наркотиков, которым вместо соответствующего их нуждам лечения и социально-правовой помощи предлагается «альтернативный вариант» – таджикская тюрьма или колония.⁶ О том, что значительное количество осужденных за незаконное обращение с наркотиками без цели сбыта являлись потребителями наркотиков, свидетельствуют многочисленные акты о проведении амбулаторной наркологической экспертизы, хранящиеся в Республиканском клиническом центре наркологии, которые с поразительной точностью отражают тот пик «войны против наркотиков» в Таджикистане, который пришелся на 2000 и 2001 годы.⁷

Приведенные ниже свидетельства наших респондентов, а также материалы недавно проведенного в городе Душанбе исследования дают четкое представление о том, как и при каких обстоятельствах происходит «выявление наркопреступлений», совершаемых потребителями наркотиков.

Согласно проведенному в 2010 году Общественным объединением «СПИН Плюс» исследованию по оценке нужд и потребностей людей, употребляющих опиаты (г. Душанбе), «[п]рактически все респонденты сталкивались с теми или иными проявлениями стигмы и дискриминации со стороны правоохранительных органов. Некоторые респонденты указывали на случаи жестокого обращения со стороны милиции /.../. Некоторые респонденты считают, что милиция целенаправленно задерживает потребителей наркотиков и бывших осужденных ради выполнения «плана», получения денег или получения информации о поставщиках наркотиков».

⁵ Например, если бы все осужденные в 2006 году по ст. 201 были потребителями наркотиков, то тогда в том году доля осужденных за наркопреступления, которые имели диагноз наркомания, была бы гораздо выше уровня 8,2%. В то же время наказания за совершение преступлений, предусмотренных ст. 201 УК РТ, гораздо мягче тех, что предусмотрены ст. 200 УК РТ, и за счет этого обогащается не один сотрудник государственных органов.

⁶ Для большей ясности стоит отметить, что наркопотребители могут привлекаться к уголовной ответственности и по ст. 200 УК РТ, как это видно из многочисленных сведений, предоставленных нашими респондентами.

⁷ Изучение национального и международного контекстов этого явления требует проведения отдельного исследования.

«...Очень плохо [обращались], били как собаку – сознайся, признайся, один мат, унижают они...».

«...По-зверски. Пистолета буроварда кунаш кати як-то зад, бест, начумб, гуфт. Киссая кофт, действительно, киссамба хеч чиз набуд, гаит, киссаба дуромад, и чи гуфта буровард, баъд бор карда бурд. Милисахона...».

[«...По-зверски. Вытащив пистолет, дал мне прикладом по голове и сказал: «Стой, не шевелись!». Стал рыскать в карманах; действительно, у меня в кармане ничего не было, опять залез в карман, [подбросил и] вытащил [что-то] и говорит: "Что это?" Потом погрузили меня и увезли. В отделение милиции...».]

«...Мне кажется, [если] человек судимый, не отстают никогда. Они будут рады в любой момент захватить тебя на блюдечке. Чтобы посадить. Зная о том, что у меня нет денег, конечно, для того, чтобы сделать себе результат /.../. Им же результат нужен, они нас же за людей не считают. Наркоман уже не человек для них...».

«...Киса мекобанд, мебаранд отдел, отпечаток палец, ису усу, наркомани охир, маънои гапашон чаи – бте ягон сум, е ки ягон барыгаро подставить кун...».

[«...В карманах ищут, в отдел увозят, отпечатки пальцев, туда-сюда, наркоман же, а что это значит – дай бабки или какого-нибудь барыгу подставь...».]

(Ибрагимов и соавторы, 2011)

«...Конечно, да [задерживали]. За 18 лет меня не раз задерживали. Раз 10 – в основном за героин. Потом за кражи. Кидалово было тоже, избиение...».

«...Да много раз. С героином как-то. Купили героин, хотели вмазаться, а тут – сотрудники милиции. Или кто-то им сказал, или увидели. Но они обычно ничего

не находят. Что им надо? Им деньги нужны всегда. Заплатишь, и все. Даже если у тебя нет героина, там рублей 20 или 50 дал и все, ушел. Ну а если с героинном поймали, то побольше надо дать, долларов сто или двести. Однажды меня с другом поймали, у нас грамм был, пришлось триста долларов дать...».

«...Да, задерживали. Я много слышал историй. Я сам в прошлом арестант. У каждого своя история. Меня задерживали при барыжных домах. Ты все видишь, все знаешь, что все окружено, но ты болен, и тебе по фигу все окружения и подставы. Ты нагло идешь и покупаешь, несмотря на все подставы. Стараешься вынести и уйти. Многие барыги – по несколько раз отсидевшие, поэтому они боятся, много не дают, часто приходишь и у него дома вмажешься и уходишь. Сотрудник милиции, даже если тебя задержит, ничего не найдет и вынужден будет тебя отпустить, но при этом немного тебя помучает, часа два-три. А если ты не имеешь родни, то они подставляют. Подкладывают и делают себе результат. Два раза по голове дадут бедняге, он не грамм, килограмм на себя возьмет. Также старались выкачать информацию о том, кто мне продает наркотики. Это не новость. Особенно если человек об этом хорошо не знает, от страха чего только не сделает. Например, у меня [был] знакомый, наркоман /.../. Его подставили с пустым шприцем, и потом через некоторое время я узнаю, что этот парень умер в тюрьме...».

«...Меня менты давно пасли и однажды задержали, и в машину подкинули героин. И загрузили меня. Я заплатил 400 долларов /.../, они просили 1000 долларов, но у меня таких денег не было, и у меня в органах был знакомый, ну я через него договорился на 400 долларов. Торговаться можно. Они за счет этого и живут...».

«...И подбрасывали было. Раньше много было. Сейчас уже поменьше. Раньше у милиции это в моде было. Я так и срок получил. Мне подбросили тогда 180, почти 200 граммов героина, килограмм чарса и килограмм опиума /.../. Скорее всего, [им] и деньги, и результат нужны были. Даже, скорее, им нужен был план, результат. Потому что, когда меня взяли, три дня держали, никого в курс не поставили: ни родных, никого. Даже не дали позвонить родным, чтобы они не беспокоились, где я, что я. Но те, кто меня подставили, они раньше меня предупреждали, что мы тебя закроем. Ты вот занимаешься наркотиками. Давай бабки... Они думали, что я торгую наркотой, и взяли вот так меня внаглую подставили. Взяли, вот так, пакет, я сижу в машине, а они мне прямо в машину пакет кинули. Тот, кто кинул, это был тоже наркоман, они его тоже заставили. Они часто заставляют, чтобы информацию получить, например. Сейчас 95% наркоманов дают информацию. Потому что доведут так и морально, и физически, что не могут они в отказ пойти. Некоторые могут, конечно, вены порезать, но в основном все информацию дают...».

«...Были случаи, когда меня ловили возле дома барыг менты, и, избивая, запихивали в машину и увозили в участок, где продолжали избивать и издеваться. Много угрожали, [заставляли, чтобы] либо я выдал кого-нибудь, кто купил героин, либо кто его продает...».

«...В милицию попадал несколько раз... К счастью, мне не подбрасывали героин, но слышал у ребят, что такое бывало, в особенности, когда они были одеты хорошо либо имели при себе деньги. Меня ловили за употребление, и до суда дело не доходило, так как родственники вовремя вытаскивали меня, и в местах заключения я не был. Хотя несколько раз грозились завести дело, беря меня на хруп, чтобы выманить денег. Хотели узнать от меня, кто барыга и где он живет. Я наотрез отказывался от ответа...».

«...За подозрение в хранении героина однажды задержали меня, в течение 10 часов [держали] и отпустили. Еще несколько раз ловили на точках. Обыскивали, не находя ничего, отпускали /.../. Когда попытались меня побить, я обманул их, что буду сотрудничать с ними, только тогда меня отпустили, но потом пришлось долго прятаться...».

«...Меня милиция задерживала 3 раза, два из них – по подозрению в хранении наркотиков, на точках, во время рейда, а третий – по подозрению в воровстве. Когда меня поймали, мне пытались подсунуть героин в сапог, и из-за этого с меня требовали денег или дать информацию о барыге. Я откупился, заплатив 150 долларов...».

«...Слава богу, в ментовскую еще не попадала, а вот парня моего забирали, пришлось отвезти 500 долларов, чтобы его отпустили. Как он рассказывает, его и били, и заставляли сказать, у кого брал...».

«...Мне кажется, нет такого наркомана, который не попадал бы в ментовку хоть раз. Кто-то откупался, кто-то сдавал кого-то, и поэтому отпускали. Это от человека зависит. У кого нет денег и он повел себя правильно, [того] сажают. Ведь обычно попадаешься с поличным...».

«...Меня неоднократно задерживали. Сперва им, конечно, нужна информация [о том,] у кого брал. Каким путем они этого добиваются, вам говорить не стоит: вы знаете, как наши менты работают. Если узнают, что за тебя могут заплатить, то совсем другое поведение. Заберут договоренную сумму, отпускают. Обычно менты работают через своих информаторов. Так, не зная

ничего, они тебя не задержат, они будут тебя ловить именно тогда, когда ты покупаешь или купил, чтобы у тебя гера была...».

«...Да, задерживали три раза. Просто я сидел и ждал барыгу, и в этот момент меня взяли милиционеры. Нет, мне не подбрасывали наркотики. Да, они, когда меня поймали и посадили в машину, начали шмонать по моим карманам. Перевернули все мои носки, а когда они ничего не нашли, они начали осматривать мои руки, ноги, пах. Когда увидели мои проколы, потребовали у меня денег, чтобы отпустить меня. Но денег у меня не было, и они продержали меня два дня – и отпустили...».

«...Милиционер, вот если наркоманка, если она чистенькая, не пахнет дурно, симпатичная, если понравится, то это [секс с ней] даже не обсуждается. Если он ее желает взять, то он ее по-любому возьмет. И еще другим предложит, там молодым курсантам. Итого за ночь их может быть семь, восемь человек. А бывает так, что если наркоманка на ломах, дадут ей дозу, а она от боли сама все, что захотят, сделает. А так девушка-наркоманка в отделе милиции – это никто, это рабыня, которая будет делать все, что ей скажут...».

«...Да, я слышал про такое, что если девушка наркоманка, симпатичная, то они [менты] ее склоняют к половому акту, шантажируют, что она наркоманка, больная. И девушки соглашались, чтобы их отпустили. Под действием героина человек на все способен. Ради героина человек на все способен...».

«...Одну знакомую девушку, которая употребляет, несколько раз менты отводили, и по несколько человек занимались с ней сексом, и сами же давали героин, когда у нее наступала ломка...».

«...Насчет женщин очень много случаев я знаю, когда [у нее] обнаруживают следы от уколов, то требуют вступить в половой акт, чтобы [ее] не закрыть...».

«...У ментов, да, была. Попадалась с поличным раза два-три. Нет, денег не давала – откуда у меня? Один раз пришлось сдать человек двух-трех. В другой раз переспала со следователями. А что делать? В таком возрасте в тюрьму кому охота? Противно, но что делать?! Потом два раза приходила к нему, он давал мне на дозу...».

Задержание контрабандиста наркотиков в Таджикистане

Вопросы о том, кого и при каких обстоятельствах задерживают и привлекают к ответственности за наркопреступления, представляют лишь один из аспектов проблемы наркоторговли в Таджикистане. Ответив на них, мы неизбежно сталкиваемся с еще одним вопросом: «Кого же тогда не задерживают и не привлекают к уголовной ответственности за совершение наркопреступлений правоохранные органы Таджикистана?»

Еще в 2007 году Паоли и соавторы писали о том, что «можно с уверенностью сказать, что Таджикистан меньше чем за 10 лет превратился в настоящее «наркогосударство» /.../, большая часть наркоторговли этой страны осуществляется не обычными преступниками и террористическими группировками, а преступными группировками, возглавляемыми или пользующимися покровительством высокопоставленных государственных чиновников» (Paoli et al., 2007). В 2009 году «International Crisis Group» также открыто сообщила о том, что, по мнению дипломатов, правоохранные органы Таджикистана задерживают в основном лишь наркокурьеров, в то время как в наркоторговлю вовлечены высокопоставленные должностные лица из правительства (ICG, 2009). В 2011 году эта организация сообщила о том, что в Таджикистане на очень высоком политическом уровне предоставляются протекция и содействие незаконному обороту наркотиков (ICG, 2011). Дейвид Льюис в своей недавно опубликованной статье говорит о том, что финансируемые международными организациями инициативы, такие как Агентство по контролю за наркотиками в Таджикистане, власть терпит до тех пор, пока они не начинают вмешиваться в расследование преступной деятельности, связанной с участием «крупных игроков, пользующихся политической протекцией» (Lewis, 2011). Вместо подобных ситуаций правоохранные органы проводят разоблачительные мероприятия в отношении конкурирующих преступных группировок (не имеющих политической поддержки со стороны власти) и мелких наркоторговцев (Lewis, 2010). По мнению Льюиса, такое положение дел означает, что международные программы поддержки в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков, «по существу, способствуют тому, что

лица, связанные с государственными органами и занимающиеся наркотрафиком, сохраняют почти полную монополию на торговлю наркотиками по всему региону» (Lewis, 2011).

Как утверждает Филиппо Ди Даниели (De Danieli, 2011), на порочную связь государственной власти Таджикистана и «мира» незаконных наркотиков никто не обращает должного внимания. В своей (неопубликованной) диссертации он более подробно рассматривает ситуацию с наркотрафиком в Таджикистане и, в частности, пишет о том, как «наркомафия» в различных регионах страны (Хатлонская область, ГБАО и районы республиканского подчинения) либо «действует в сговоре с политиками самого верхнего эшелона», либо пользуется поддержкой центральных органов власти и/или органов власти на местах (De Danieli, 2010). О задержании и осуждении фигур такого уровня, стоящих во главе крупнейших преступных организаций и контролирующих потоки наркотрафика, таджикским правоохранительным органам практически нечего сказать.⁸

⁸ На эту тему смотрите также Moises, N. (2011). The drug trade: The politization of criminals and the criminalization of politicians. Working paper. Prepared for the First Meeting of the Global Commission on Drug Policy.

6. ПОСТАВКА, ПРИОБРЕТЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИКОВ В ТАДЖИКСКИХ ТЮРЬМАХ: АНАЛИЗ С ПОЗИЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Вопрос о том, насколько доступны наркотики в пенитенциарных учреждениях Таджикистана, до настоящего времени был освещен лишь в работах нескольких групп исследователей. Количество таких работ тоже крайне незначительно (см., например, Ибрагимов и соавторы, 2011; Хидиров и соавторы, 2006). Тем не менее данный вопрос актуален не только с точки зрения необходимости более глубокого понимания рынков сбыта наркотиков в стране и степени участия сотрудников государственных учреждений в наркоторговле, но и с точки зрения общественного здравоохранения и профилактики передачи инфекционных заболеваний, связанных с инъекционным употреблением наркотиков, в учреждениях закрытого типа.

Оценочное количество тюремного населения в Республике Таджикистан часто определяется в 10 000 человек (Караматова, 2010; Soliev, 2010b). Согласно данным Управления исправительных дел Министерства юстиции Республики Таджикистан, численность заключенных («спецконтингента») в стране сократилась с 12 500 человек в 2005 году до 8000 человек в 2009 году. Эти заключенные содержатся в 19 пенитенциарных учреждениях, включая одно учреждение для несовершеннолетних, одно – для женщин, одну центральную больницу и одно учреждение, в котором отбывают срок бывшие сотрудники административных и правоохранительных органов (Нуров, 2010). Но если исходить из информации, представленной в обзорах наркоситуации в виде графиков, ежегодно в республике регистрируется в среднем около 12 000 общеуголовных преступлений (около 14 000 в 2010 году), причем доля наркопреступлений колеблется между 5,4% и 6,8% (АКН, 2011). С 2008 по 2010 год общее количество осужденных в течение года граждан колебалось от

семи до восьми тысяч человек, из которых 12–13% были привлечены к ответственности за преступления, связанные с наркотиками (АКН, 2011).⁹ Для сравнения можно также привести более раннюю статистику: в 2001 году доля таких осужденных составила 24,4% (АКН, 2005).

Начиная с 2005 года среди заключенных пенитенциарных учреждений ежегодно проводится дозорный эпиднадзор (ДЭН) по сбору демографических, биологических и поведенческих данных. Согласно материалам, опубликованным в 2009 году, исследования в рамках ДЭН проводились лишь в пенитенциарных учреждениях городов Душанбе и Хаджанд, на основании совместных приказов Министерства здравоохранения и Министерства юстиции. В 2008 году ДЭН были охвачены исправительно-трудовые колонии (ИТК) № 1 и № 7 в городе Душанбе (размер выборки составил 400 человек) и ИТК № 3/5 и 3/3 в городе Худжанде (размер выборки такой же). Всего в ДЭН в 2008 году приняли участие 800 осужденных (Аббасова, Бободжонов и Нурляминова, 2009; Правительство Республики Таджикистан, 2010). На протяжении последних пяти лет уровень распространенности ВИЧ-инфекции среди осужденных составлял: в 2005 году – 6,2%, в 2006 году – 8,4%, в 2007 году – 6,8%, в 2008 году – 7,8%, в 2009 году – 8,6% (Soliev, 2010b). Эти показатели превышают аналогичные показатели в соседних республиках Казахстан и Кыргызстан, где уровень распространенности ВИЧ-инфекции среди осужденных в 2009 году составил, соответственно, 2,6 и 7% (Аббасова, 2010; Правительство Кыргызской Республики, 2010). Основной движущей силой распространения ВИЧ-инфекции среди осужденных в Таджикистане является инъекционное употребление наркотиков. Это подтверждается следующим фактом: распространенность ВИЧ-инфекции среди осужденных с положительным результатом теста на гепатит С была значительно выше, чем среди осужденных с отрицательным результатом теста на гепатит С (RR=17,2;

⁹ Здесь очевидным становится то, что данные Управления исправительных дел Министерства юстиции РТ о численности заключенных в РТ либо могут быть существенно заниженными, либо сроки заключения являются в большинстве своем изначально незначительными, или же эти сроки впоследствии существенно сокращаются при определенных условиях и обстоятельствах, которые требуют дальнейшего изучения. Смотрите также комментарий в сноске 5.

95% CI 9,5–32; $p < 0,005$), в то время как статистически значимой связи между распространенностью ВИЧ-инфекции и результатами теста на сифилис выявлено не было (Аббасова, Бободжонов и Нурляминова, 2009).

Распространенность ВИЧ-инфекции среди осужденных в Республике Таджикистан выше, чем в Казахстане и Кыргызстане, возможно и потому, что в Таджикистане ВИЧ-инфекция больше распространена среди так называемых гражданских ПИН (Soliev, 2010a). Однако это лишь часть общей картины. Дело в том, что риск ВИЧ-инфицирования среди участников ДЭН возрастал в зависимости от количества «сроков»: у тех, кто отбывал «второй срок», – в два раза выше (11%), у отбывавших «третий срок» – в пять раз выше (27%), чем у впервые осужденных (5%) ($p < 0,05$) (Аббасова, Бободжонов и Нурляминова, 2009).

Приведенные выше данные также являются доказательством распространенности практик рискованного поведения в пенитенциарных учреждениях Таджикистана, в первую очередь связанных с инъекционным употреблением наркотиков путем совместного использования инъекционного оборудования. В опубликованном в 2007 году региональном исследовании УНП ООН, посвященном вопросам наркопотребления и ВИЧ-инфекции, сообщается о том, что среди опрошенных респондентов в сообществе недавно освобожденных заключенных 30% мужчин и 43% женщин хотя бы один раз в жизни употребляли наркотики, причем большинство из них в том числе употребляли опиаты инъекционным путем во время пребывания в заключении. Независимо от пола все респонденты дали утвердительный ответ на вопрос об использовании нестерильного инъекционного оборудования при последнем случае употребления наркотиков (UNODC, 2007). Эти данные в определенной степени согласуются с данными опросов осужденных в ходе ДЭН в двух пилотных городах Таджикистана, согласно которым 22% респондентов сообщили, что, по их мнению, менее половины осужденных «вводит себе наркотики», и только 19% имеют доступ к стерильным иглам и шприцам (Аббасова, Бободжонов и Нурляминова, 2009; Аббасова, 2010). Кроме того, как показали результаты

проведенных в 2010 году глубинных интервью (37 участников) и опросов в четырех фокус-группах (в каждой – 8–10 участников), «на вопрос о доступности наркотиков в местах заключения многие отвечали утвердительно»: «Чем на воле, в тюрьме наркотиков больше /.../. В тюрьме нет проблем с кайфом /.../. Постоянно /.../ героин есть, сами зеки торгуют»; «...если есть деньги – ты можешь /.../ купить. Там не так, как на воле: то, что ты дал деньги, а потом тебя кинули, /.../ в зоне не так. Ты прямо даешь деньги – тебе скажут, через сколько будет, ну прямо там, уже без обмана» (Ибрагимов и соавторы, 2011).

Сведения респондентов, вовлеченных в наше исследование, о доступности наркотиков в пенитенциарных учреждениях Таджикистана основаны либо на собственном опыте пребывания в местах лишения свободы, либо на опыте других потребителей – друзей и знакомых.

«...Я отбывал свое наказание в колонии общего режима. Там есть наркотики любого вида, опиум, таблетки разные, марихуана, героин. Сам я был свидетелем, как сын начальника снабжал заключенного наркотиками, который потом раздавал барыгам, а тот, в свою очередь, реализовывал наркотики на зоне. На зоне не всем разрешают употреблять наркотики. Есть те, кто заслужил, тому разрешают. Есть наркотики, которые держат для так называемых уважаемых людей. А в остальном реализуются для получения дохода и для того, чтобы постоянно были клиенты. Если у тебя есть деньги или вещи, хоть ты опущенный, хоть ты кто, если деньги есть, ты можешь потреблять. У нас как? У нас, если у тебя грев есть, то ты человек, если нет, то ты никто. Наши тюрьмы, можно сказать, что это концлагерь. Те, у кого нет родственников, и те, кого не навещают, – либо голодные, либо пользуются поддержкой тех, кому приносят передачи. Это система выживания на зоне. Сейчас авторитетов нет, это осталось в прошлом. Авторитет – это если есть продукты, есть деньги, есть передачи. Есть еще такие – опущенные, обиженные, да им тоже уделяются наркотики. А так

наркотики распределяются по баракам. Там есть смотрящий, он отвечает за свой барак. В основном он все распределяет. Иногда раздает кое-что бесплатно. Но в основном все продается, реализовывается, для последующей поставки наркотиков на зону...».

«...В других зонах, я тоже слышал, что сотрудники – сами барыги. Сами приносят, сами продают /.../. А еще в одной зоне сотрудники органов даже не входят в жилую зону, настолько их греют. Это большие деньги для них. Очень большие. Начальник тюрьмы за срок своего пребывания на посту может стать миллионером. Бывает так, что кто-нибудь для заключенного захочет принести наркотики, ну родственники, друзья, но сотрудники зоны все тщательно проверяют. Иногда можно пронести, но совсем мало. Но в основном это все легально на зоне. Передавать [тайком] не выгодно. Легче заранее с сотрудником договориться о передаче. Бывает так, что кто-то меняет дозу на продукты, втихаря, – так выживает. Лучше все делать открыто...».

«...У сотрудников тюрьмы уже налажены каналы, а те, кто только начал этим заниматься, ему найдут канал. Или если сидит барыга, который на свободе торговал, он знает, куда пойти, где взять, он договаривается с сотрудником тюрьмы, говорит ему, куда пойти, с кем встретиться. И тот даст ему, сотрудник привезет, и будет иметь свою долю. Привезет пару пачек сигарет, там по 50 грамм, и будет иметь свою долю. В тюрьме срок тебе не дадут. Если даже они сотрудников своих поймут, они не будут сажать, прикроют. Он долю тоже отстегнет, и все...».

«...Я сидел 4 года, в городе Душанбе. В тюрьме нет проблем с наркотиками. В тюрьме даже попроще, чем на свободе. Там уже не боишься: даже если

продашь, тебя же уже не посадят. Срок не добавляют. Или колешься, например: на свободе боишься, что поймают тебя со шпонкой, а в тюрьме попроще. 70% употребляют – это точно. Там гашиш, марихуана, героин, опиум. Вот эти виды наркотиков. С водкой даже построже, чем с наркотиками. В основном торгуют те, которые на администрацию работают. У них же есть доступ через сотрудников. Сотрудники привозят, дают – и те торгуют. Там нет такого, что кому-то запрещают употреблять. Нет такого. Но бывают случаи, кто-то передознется и умрет, вот тогда авторитеты душняк устраивают: мол, не колитесь. Нюхать, курить можно, но не колоться, чтобы передоза не было. Но все равно, кто колется, те колется. И «обиженные» употребляют. Покупают или получают за услуги. Дашь одну шпонку, они тебе там все вещи постирают...».

«...Не сидел и не был осужден. Я слышал, когда ребята рассказывали о местах заключения, что авторитеты ставят запрет на (инъекционное) употребление героина, а на курение анаши и опия нет запрета, но кто хоть раз уколется, того избьют...».

«...Да нет у нас в зонах уже авторитетов. Это все в прошлом. Хозяин тюрьмы – это сотрудники зоны. Тот, у кого есть бабки, будет употреблять наркотики и никого не спросит. Запретов нет...».

«...Здесь, в Таджикистане, я сидел давно... в 1992 году. В то время наркотиков почти не было, но была ханка. Приносили те же люди, которые там работали. И спокойно мы употребляли там и марихуану, и гашиш. Все делается из-за денег. Сейчас я слышал, что в тюрьмах употребляют героин. Мои знакомые сидят в колонии, и там употребляют наркотики. По моему мнению, где-то 80% в тюрьмах употребляют героин. А что им остается делать?..».

«...В тюрьме цены возрастают в два-три раза. На свободе наркотик более доступен. На зоне – типа запрет, поэтому и цены растут. В тюрьме торгуют те же барыги, которых посадили по этой статье. Чем они на свободе занимались, тем и на зоне занимаются. И сотрудники – тоже пособники. Все они торгуют. Барыги затаскивают героин через оперов, те имеют свою долю. Все все знают – и молчат. И потом распространяют его на зоне. Любой наркотик можно купить на зоне: и героин, и марихуану, и таблетки /.../. Такое ощущение, что и на свободе, и в тюрьме все замешаны. Я не могу факты приводить, но я так думаю. Потому что все доступно, все об этом знают, но молчат. Если даже в зоне случаются передозировки. Взаперти. Все знают...».

«...Героин употребляют те, кто зависимые. Разницы нет, он «обиженный» или авторитет. Авторитеты даже больше употребляют, чем те же «обиженные». Кому доступно, те и употребляют. Я не встречал такого, чтобы зависимый авторитет держался подальше от героина. Если зависимый и есть средства, то он и употребляет...».

«...Главное иметь деньги и знать, кому их отдать, чтобы он тебе принес наркотик – и все. Там занимается этим определенный человек, связываешься с ним – и все. И из зоны можно заказать наркотик...».

«...Приехал в Душанбе, меня задержали за воровство и посадили на шесть месяцев. В колонии 20% осужденных употребляют героин. Героин поставляли сотрудники колонии («дубаки»), а распространяли сами зеки...».

«...Сам я не сидел, задерживать – задерживали, избивали, но не сажали. Есть друзья, которые рассказывают о колониях то, что там найти наркотики любого вида – шесть секунд, только покажи деньги, а авторитет он или не авторитет – без разницы: кайфуют те, кто платят, даже «обиженные». Поставляют им, естественно, сами менты...».

«...Сам я ни разу не сидел в тюрьмах, но много слышан от друзей, которые сидели, что на зоне все есть, и без проблем можно достать, если есть деньги. Даже авторитеты сами употребляют и говорят, что это нормально. А товар заносят им сами работники тюрем и колоний...».

«... Знакомые ребята, которые, отсидев срок, часто рассказывали, что сами сотрудники тюрьмы рулили с поставкой героина в колонию. Там же были осужденные, которые распространяли этот героин...».

«...Один раз хотел услужить знакомым, взял им 5 грамм, а меня повязали у дома барыги, дали 5 лет, как за сбыт наркотиков. Сидел здесь, в Душанбе, и сказать, что в тюрьмах есть какой-то недостаток в наркотиках, не могу. И нет распределения, что этой категории можно, а этой нельзя. Всем можно, у кого есть возможность, а там не у всех бывает возможность. Торговлей занимаются определенные люди, кто и на воле этим занимался. А поставляют наркотики им, конечно же, работники этих учреждений. А другой никак не сможет занести наркотик в зону. И за это мент получает свою долю денег...».

«...Конечно же, на зону наркотик попадает через сотрудников. Другого пути нет и быть не может. За это он получает свою долю. В зонах за этим, видимо, другие менты смотрят...».

«...Да, я отсидел год, попал под амнистию и вышел. Дали мне три года общего режима за кражу. В тюрьмах полно наркоманов. У кого есть деньги, те употребляют наркотики. Употребляют сами авторитеты. Есть в тюрьме разговор, что, кто наркоман, тому нет возврата по жизни. Употребляют героин, ханку, марихуану, гашиш. У нас на зоне продавали сами афганцы. Авторитеты – основные потребители, они уделяют «мужикам – работягам» и «обиженным»...».

Если все действительно обстоит так, как говорили наши респонденты, то есть наркотики доступны в пенитенциарных учреждениях и сбывать их там, может быть, даже безопаснее, чем на воле (потому что оборот наркотиков происходит под покровительством самих сотрудников данных учреждений), и что «даже если поймают, все равно уже не посадят», – то вряд ли может вызывать сомнение необходимость работы в тюрьмах программ снижения вреда и профилактики ВИЧ-инфекции. Более того, для сокращения спроса на нелегальные опиаты и, как следствие, снижения потоков финансовых средств в адрес элементов, которые контролируют их сбыт, необходимо широкомасштабное внедрение программ опиоидной заместительной терапии. Но парадокс заключается в том, что на принятие решений о внедрении заместительной терапии и увеличении охвата этим видом лечения могут в существенной степени повлиять те люди, которые непосредственно контролируют сбыт наркотиков в тюрьмах. В данной связи наивно предполагать, что даже минимальные попытки внедрить там заместительную терапию не вызовут серьезнейшего сопротивления со стороны отдельных сотрудников администраций пенитенциарных учреждений.

Несмотря на доступность наркотиков в тюрьмах, многие потребители с опытом пребывания в местах лишения свободы отмечают серьезные

трудности в получении доступа к стерильным шприцам и иглам. Данное положение наиболее ярко отражено в материалах, собранных в процессе проведенного в Душанбе в 2010 году исследования по оценке потребностей людей, употребляющих опиаты. Как отметил один респондент, *«шприц найти там гораздо сложнее, чем сам героин...»* (Ибрагимов и соавторы, 2011). Часть респондентов отметили, что могли за деньги приобрести шприцы у медицинского персонала колонии (медицинские сотрудники «это технично скрывают от всех»), другие говорили о том, что им приходилось использовать розыгрыш и обман, чтобы попасть в санчасть и оттуда украсть шприцы («один наш парень – такой актер, он притворился больным») (Ибрагимов и соавторы, 2011). Но большинство респондентов все-таки не имели доступа к стерильным шприцам и были вынуждены использовать имеющиеся совместно. Более того, имеющиеся шприцы они иногда сами же и изготавливали:

«... Бо як шприц ними зона задагем, хами як шприц тоб мехурад, хами сузанаи дарозай, аз точить куни икак шудагай...» [*«...Мы одним шприцем ползоной намазывались: один шприц по кругу ходит, и от того, что иглу точат, длинная игла становится вот такой вот маленькой...»*].

«...Один шприц могут использовать и 50 человек, и 70 человек /.../. Иголка тупится, они точат ее обратно, и вот с такой иглы – сантиметров там 7–5, вот миллиметра два оставалось /.../. Я не спорю, тоже приходилось, ну, может, раз 10 таким инструментом колотья...».

«...В колонии, если нет шприца, можно взять обычный стержень, и наконечник заточить под углом /.../, поршень сделать из целлофана с помощью где огня,

где плитки /.../. После этого очень большие дыры в венах, это очень больно и неудобно...»

(Ибрагимов и соавторы, 2011).

Женщины – участники исследования, проведенного «СПИН Плюс», также указывали на немедицинское употребление лекарственных препаратов в женской тюрьме. В тех случаях, когда препараты употреблялись инъекционным путем, доступ к стерильным шприцам был значительно ограничен, и это, по мнению одной из участниц фокус-группы, способствовало распространению ВИЧ-инфекции:

«...Девчонки там, например, колеса глотали, димедрол себе кололи, баралгин. А так были девушки, в тюрьме, ВИЧ-инфицированные, большинство из них заразились этим, потому что те, кто уже болел, не говорил об этом, а кололись они одним шприцем, ну димедрол и баралгин...»

(Ибрагимов и соавторы, 2011).

Интересны высказывания респондентов о том, что в отдельных случаях имело место введение запрета на инъекционное употребление наркотиков со стороны тюремных авторитетов. О наличии подобной практики сообщалось и в более ранних исследованиях. Так, один из участников исследования по оценке потребностей людей, употребляющих опиаты, (Душанбе, 2010 год) сообщил, что *«/.../братва поставила запрет на героин, потому что многие умирают, /.../ передозов очень много, и в зависимость попадаешь /.../ намного тяжелее, чем от ханки, – и поэтому прогнали. Ты имеешь право /.../ употреблять /.../, можешь подогреть [кого-нибудь], а так, в продаже – нету...»* (Ибрагимов и соавторы, 2011). Оценка

состояния дел с внедрением программ снижения вреда в исправительных учреждениях Управления исправительных дел Министерства юстиции Республики Таджикистан, проведенная в начале 2006 года, также выявила наличие «...авторитетов из числа религиозных заключенных, которые проповедуют очищение, пропагандируют здоровый образ жизни, неприятие к наркотикам...» (Хидиров и соавторы, 2006). Как видно из другого исследования среди «отверженных тюремной субкультурой», похожая ситуация с запретом на употребление наркотиков имеет место и в соседнем Кыргызстане: «Новая стратегия среди осужденных – [это то,] что «порядочные» не употребляют наркотики. «Общак» наложил запрет на инъекционные наркотики в зонах. Иногда наркотики появляются на праздники, на «разгон» – для тех, кто изготавливает «ширпотреб» и для «отверженных»...» (Ассоциация «Сеть снижения вреда», 2009).

Складывается впечатление, что центральноазиатские пенитенциарные учреждения зачастую превращаются в особые «зоны наркобизнеса», где положение игроков полностью инвертируется: сотрудники администрации тюрем контролируют поставку наркотиков и заинтересованы в стимулировании спроса на наркотики среди осужденных, а неформальные лидеры сообщества, которое традиционно называется «преступным», запрещают употребление «тяжелых» наркотиков и более опасные инъекционные практики употребления, стремясь предотвратить передозировки с летальным исходом и пропагандируя здоровый образ жизни и религиозное очищение. Такое влияние религиозных и прочих неформальных лидеров на употребление наркотиков в сообществе заключенных может иметь важное значение с точки зрения возможностей профилактики употребления наркотиков в гражданском обществе в странах Центральной Азии.

7. ОБСУЖДЕНИЕ, ВЫВОДЫ, РЕКОМЕНДАЦИИ

Представленные нами данные затрагивают ряд важных вопросов, которые касаются современной наркоситуации и наркополитики в Республике Таджикистан. Заключительное обсуждение совокупности представленных в настоящем исследовании материалов можно сгруппировать вокруг пяти основных аспектов.

Аспект 1. Мелкие сбытчики как связующее звено розничной торговли наркотиками

Результаты нашего исследования в полной мере указывают на важность той роли, которую играют мелкие сбытчики наркотиков в розничной торговле опиатами в Таджикистане. Именно через них наркотики в конечном итоге доходят от оптовых поставщиков до многих потребителей. В то же время, по мнению наших респондентов, многие «барыги» сами являются потребителями наркотиков. За последнее время значительное количество потребителей наркотиков вынужденно оказались вовлеченными в мелкий сбыт наркотиков, покупая героин «по граммам» у «барыг» и продавая его «по шпонкам», тем самым снабжая себя наркотиками за счет прибыли в виде их остаточного количества. Вероятно, это могло также способствовать росту доступности наркотиков для определенной части потребителей в Таджикистане.

Опыт Швейцарии показывает, что одной из самых эффективных интервенций в данной ситуации может быть не осуждение и тюремное заключение сбытчиков-потребителей, а привлечение их в программы по предоставлению медицинской помощи и других услуг в области здравоохранения. Так, оказывая услуги заместительной терапии

потребителям героина, серьезно вовлеченным в сбыт наркотиков и совершение других видов преступлений, швейцарским властям удалось существенно повлиять на рынки наркотиков и добиться тройного эффекта: а) существенно сократилось количество употребляемых наркотиков среди тех, кто ранее потреблял героин в большом количестве, что вызвало снижение спроса на наркотики и оказало воздействие на жизнестойкость рынка (отразившееся в сокращении числа новых потребителей); б) значительно уменьшилось количество других преступлений (кражи), совершаемых сбытчиками-потребителями, которые стали участниками программ заместительной терапии, и им больше не нужно было воровать, чтобы добыть средства на приобретение наркотика; в) сбытчики-потребители перестали играть роль ключевого связующего звена между оптовиками и теми, кто употребляет наркотики «время от времени», и это усложнило доступ последних к наркотикам (Global Commission on Drug Policy, 2011; Killias and Aebi, 2000). В данной связи **РЕКОМЕНДАЦИЕЙ 1 для людей, принимающих решения в области наркополитики в Таджикистане, является рассмотрение возможности охвата сбытчиков-потребителей, зависимых от опиатов, программами опиоидной заместительной терапии.** Учитывая то, что за последние пять лет доля людей, осужденных за преступления, связанные с наркотиками, и имеющих диагноз наркомания, составляла от 7,7 до 17,4%, это также приведет к сокращению расходов на пенитенциарные учреждения республики.

Как показывает наше исследование, в настоящее время «барыги» активно используются коррумпированными сотрудниками правоохранительных органов для осуществления задержания потребителей и вымогания у них денег или же с целью достижения «результатов» по наркоарестам. Между тем, на сегодняшний день практически не осталось таких «барыг», которые бы не «крышевались» сотрудниками правоохранительных органов. На этих данных основана **РЕКОМЕНДАЦИЯ 2, согласно которой необходимо рассмотреть возможность привлечения (за значительное вознаграждение) мелкооптовых и розничных**

продавцов наркотиков к добровольному сотрудничеству с правоохранительными органами по разоблачению и осуждению сотрудников, которые превратились из «наркобойцов» в наркодельцов.

Аспект 2. Оказание правовой, социальной и медицинской помощи потребителям наркотиков и защита их гражданских и человеческих прав

В нашем исследовании, так же как и в проведенном в 2010 году в Душанбе исследовании по оценке потребностей людей, употребляющих опиаты, практически каждый участник мог подробно рассказать о том, как потребители наркотиков превращаются в «мишень» для противоправных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов. Они подвергаются физическому и сексуальному насилию, им подбрасывают наркотики, у них вымогают деньги. Их принуждают давать информацию о других потребителях и продавцах наркотиков, чтобы затем потребовать у них денег. Изъятые у потребителей наркотики повторно поступают в незаконный оборот. За счет потребителей выполняется «план» по раскрытию преступлений, связанных с наркотиками. Таков неполный перечень противоправных действий и практик сотрудников правоохранительных органов по отношению к потребителям наркотиков, крайне широко распространенных не только в Таджикистане, но и во многих (если не во всех) странах бывшего Советского Союза (Eurasian Harm Reduction Network (EHRN), 2011; EHRN, 2010; Sarang et al., 2010; EHRN, 2009; SWAN, 2009; Latypov, 2009; Latypov, 2008; «Хьюман Райтс Вотч», 2007; «Хьюман Райтс Вотч», 2006; HRW, 2003; и ряд других источников).

Значительное количество потребителей наркотиков попадают в тюрьмы и исправительно-трудовые колонии не за совершение серьезных

правонарушений, а после того, как их задерживают по информации «доверенных» «барыг». Им могут быть подброшены наркотики (самими же сотрудниками правоохранительных органов), затем возбуждено уголовное дело, классифицированное по статьям, требующим лишения свободы. Если на данный момент быстро решить проблему с коррумпированностью правоохранительных органов не представляется возможным, то решить проблему с необоснованным заключением потребителей наркотиков в места лишения свободы и хоть как-то попытаться восстановить справедливость представляется вполне реальным. Для этого необходимо безоговорочное и незамедлительное исполнение **РЕКОМЕНДАЦИИ 3, призывающей ввести в Таджикистане систему лечения потребителей наркотиков по постановлению суда в качестве альтернативы тюремному заключению.** С другой стороны, необходимо также выполнение руководством правоохранительных органов **РЕКОМЕНДАЦИИ 4, суть которой заключается в требовании прекратить практику рассмотрения арестов наркопотребителей в качестве «результата».** Согласно недавно опубликованному докладу Глобальной комиссии по вопросам наркополитики, «[с]уществующая система оценки успешности наркополитики в корне ошибочна». Количество произведенных арестов, количество изъятых наркотиков, количество осужденных за наркопреступления – такого рода показатели говорят нам лишь о процессе («как жестко мы ведем войну») и имеют мало общего с индикаторами, отражающими достижение желанных результатов («с точки зрения снижения вредных последствий для каждого человека и всего общества»: «сокращения уровня преступности, сохранения здоровья населения, обеспечения экономического и социального развития»). Аресты и привлечение к уголовной ответственности наркопотребителей не могут привести к снижению уровня наркопотребления в обществе (Global Commission on Drug Policy, 2011). Чтобы в этом убедиться, не обязательно приводить доказательства из зарубежных исследований или искать глубокие корни «наркопроблемы» в советском прошлом – достаточно посмотреть на опыт последних двадцати лет, свидетельствующий о значительном росте

уровня наркопотребления в обществе, несмотря на «войну против наркопотребителей» во всех странах постсоветского пространства.

Как указали в своей недавней работе Аня Саранг, Тим Роудз и соавторы (2010), практики правоохранительных органов, подобные тем, что были задокументированы нами в Таджикистане, «создают атмосферу страха и террора», способствуют стигматизации и репродуцируют «чувство фаталистического принятия риска, которое может стать решающим при формировании [у потребителей наркотиков] поведения, связанного с их здоровьем...» (Sarang et al., 2010). Следуя логике и учитывая выводы данной работы, становится очевидно, что ситуация, связанная с наркотиками в Таджикистане, подтверждает необходимость проведения глобальной реформы наркополитики посредством ее «фундаментального структурного изменения в сторону учреждения правовой протекции гражданственности и человеческих прав» (Sarang et al., 2010). Исходя из этого, наша

РЕКОМЕНДАЦИЯ 5 заключается в необходимости срочного рассмотрения задокументированных нами противоправных действий со стороны правоохранительных органов Таджикистана, как дополнительной совокупности доказательств в поддержку декриминализации наркопотребления и применения подхода, основанного на правах человека, при проведении кардинального пересмотра национальной наркополитики.

При приобретении наркотиков, во взаимоотношениях с правоохранительными органами и во многих других ситуациях, связанных с наркопотреблением, женщины находятся в особенно уязвимом положении. Согласно недавнему докладу Евразийской сети снижения вреда (ECCB) о женщинах – потребителях наркотиков и наркополитике, «[в] регионе Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии насилие и неправомерные действия правоохранительных органов составляют одну из важнейших проблем, с которыми сталкиваются потребители наркотиков /.../, вне зависимости от их половой принадлежности. Но женщины,

употребляющие наркотики, – особенно уязвимы к данной проблеме» (EHRN, 2010). Так, если говорить о Центральной Азии, то в соседнем Кыргызстане около половины (40%) из 73 участников исследования среди женщин–ПИН на юге страны (Ош и Джалал-Абад) сообщили о том, что они подвергались сексуальному и физическому насилию со стороны сотрудников правоохранительных органов. Им приходилось оказывать бесплатные сексуальные услуги, давать взятки, а также предоставлять информацию о других потребителях и продавцах наркотиков (Джалбиева, Ермолаева и Токомбаева, 2009). В Таджикистане, согласно нашим данным, сексуальное насилие над женщинами – потребителями наркотиков со стороны сотрудников правоохранительных органов также является весьма распространенным явлением. **РЕКОМЕНДАЦИЯ 6 основывается на вышеупомянутом докладе ЕССВ и заключается в следующем: в Таджикистане необходимо выработать специальные механизмы, которые бы позволяли женщинам–потребителям, подвергшимся насилию со стороны сотрудников правоохранительных органов, сообщать о таких случаях без страха и риска повторного насилия, и которые бы обеспечивали наказание виновных.**

Аспект 3. Ситуация в пенитенциарных учреждениях

Наше исследование не должно ни у кого оставить сомнений в том, что в таджикских пенитенциарных учреждениях наркотики доступны, и при наличии денег их приобретение не составляет проблемы. Вызывает особую озабоченность тот факт, что в сбыт наркотиков в тюрьмах и колониях вовлечены сами сотрудники пенитенциарных учреждений, а также те люди, которые, до того как они были осуждены, занимались этим на «воле». На наш взгляд, одним из последствий подобного положения дел, когда заключенные – сбытчики наркотиков продолжают заниматься их реализацией в тюрьмах и колониях, а сотрудники пенитенциарных учреждений вместо работы с

осужденными по «перевоспитанию» активно участвуют в наркобизнесе, является наблюдаемый правоохранительными органами Таджикистана высокий уровень рецидивизма (см., например, АКН, 2011).

Тем не менее процесс признания факта употребления наркотиков в тюрьмах Таджикистана происходит крайне медленно. Это выражается в полном отсутствии до недавнего времени в пенитенциарных учреждениях Таджикистана программ игл и шприцев: впервые программа была внедрена на уровне пилотного проекта в 2010 году (Нуров, 2010). Как показывает проведенная недавно оценка потребностей людей, употребляющих опиаты в городе Душанбе, доступ к стерильным иглам и шприцам в пенитенциарных учреждениях крайне ограничен, и достать их труднее, чем сами наркотики. Это приводит к серьезным последствиям и в первую очередь способствует росту распространенности заболеваний, передающихся через кровь, таких, как ВИЧ-инфекция и гепатит С. Поэтому **РЕКОМЕНДАЦИЯ 7, основанная на результатах нашего исследования, заключается в следующем: необходимо как можно скорее внедрить программу игл и шприцев, программу опиоидной заместительной терапии и другие программы лечения наркозависимости как можно в большее количество пенитенциарных учреждений республики, с тем чтобы снизить риск передачи ВИЧ-инфекции и гепатита С.** Внедрение заместительной терапии в пенитенциарных учреждениях может также оказать ряд других положительных воздействий:

- снизить число летальных и нелетальных передозировок в тюрьмах и колониях;
- сократить спрос на нелегальные наркотики;
- уменьшить поток финансовых средств в адрес коррумпированных сотрудников пенитенциарных учреждений;
- уменьшить поток финансовых средств в адрес других участников преступных сетей по распространению наркотиков как внутри, так и за пределами пенитенциарных учреждений.

Аспект 4. Тенденции на рынке наркотиков в Таджикистане

Наше исследование позволило выявить несколько важных тенденций, складывающихся на рынке наркотиков в Таджикистане, а также изменений, имевших место за последнее время. Эти тенденции и изменения можно суммировать следующим образом. Во-первых, рынок опиатов в столице республики и некоторых других городах становится все более «мобильным», благодаря развитию коммуникационных сетей. Это вызвано стремлением снизить риски возможного задержания, связанные с практикой реализации наркотиков на базе «стационарных» точек: квартир и жилых домов. Кроме того (но пока еще в редких случаях), с целью сокращения рисков ареста используется система банковских электронных платежей. Можно предполагать, что, подобно тому как это произошло и с мобильной связью в стране, по мере развития системы банковских электронных платежей рынки наркотиков в Таджикистане смогут постепенно оказаться не только «мобильными», но и «электронными».

Во-вторых, для многих респондентов героин стал более доступным, более легко приобретаемым, более дешевым и более качественным. Это также соответствует изменениям в динамике цен на героин высокой очистки в стране за последние годы.

В-третьих, на рынке наркотиков в Таджикистане появились новые наркотики, такие, как метадон в виде таблеток, кокаин и экстази. Последние реализуются среди городской молодежи, в танцевально-развлекательных заведениях. Среди молодежи определенной популярностью также пользуется комбинированное употребление марихуаны и героина, причем в употреблении марихуаны за последнее время наметилась тенденция к росту.

В-четвертых, рынки наркотиков в Таджикистане связывают с другими странами новые каналы поставки наркотиков. Среди них необходимо особо

отметить ирано-таджикский и китайско-таджикский каналы, о которых, судя по имеющимся публикациям, правоохранительным органам Таджикистана известно немного.

В-пятых, очевидно, что в случаях, когда у наркозависимых людей имеются серьезные трудности, связанные с приобретением и доступом к наркотикам своего выбора, они вынуждены переходить на прием других психоактивных веществ, которые могут причинить больший вред здоровью.

В-шестых, ситуация в приграничных городах Таджикистана указывает на значительное совпадение зон с высоким уровнем доступности и употребления наркотиков и чрезвычайной эпидемиологической обстановкой в плане распространенности ВИЧ-инфекции среди потребителей инъекционных наркотиков.

Как следствие вышесказанного – **РЕКОМЕНДАЦИЯ 8, суть которой сводится к следующему: учитывая значимость полученных нами материалов, необходимо и далее регулярно проводить подобного рода исследования рынков наркотиков в Таджикистане, основанные на опросах потребителей наркотиков, и с как можно более широким географическим охватом.**

По результатам нашего исследования можно сделать вывод о том, что, несмотря на все усилия правоохранительных органов и силовых структур Таджикистана и значительные финансовые и технические средства, выделенные за последнее десятилетие из государственного бюджета страны и предоставленные зарубежными структурами донорской помощи на борьбу с наркотиками, доступность опиатов и других видов наркотических средств в Таджикистане едва ли стала меньше. В то же время, на сегодняшний день серьезную угрозу для страны представляют последствия от инъекционного употребления наркотиков, которых можно было бы во многом избежать на ранней стадии эпидемии ВИЧ-инфекции, не прибегая к репрессивным мерам по отношению к потребителям инъекционных наркотиков и вовлекая данное

сообщество в научно обоснованные и эффективные программы профилактики инфекционных заболеваний и лечения наркозависимости.

В связи с вышесказанным – **РЕКОМЕНДАЦИЯ 9: необходимо инвестировать гораздо больше финансовых, технических и человеческих ресурсов в программы снижения вреда, в программы первичной профилактики наркопотребления среди молодых людей и в программы по лечению наркозависимости, в том числе – опиоидную заместительную терапию, эффективность которой была научно подтверждена.**

Аспект 5. Участие сотрудников правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений Таджикистана в незаконном обороте наркотиков

По последним имеющимся данным, оценочное количество потребителей инъекционных наркотиков в четырех из пяти республик Центральной Азии составляет 254 000 человек (взрослого населения): 124 400 – в Казахстане, 250 000 – в Кыргызстане, 25 000 – в Таджикистане и 80 000 – в Узбекистане (Правительство Республики Казахстан, 2010; The Reference Group to the United Nations on HIV and Injecting Drug Use, 2010; APMG, 2009). В Туркменистане исследования по определению оценочного числа потребителей наркотиков до настоящего времени не проводились. Тем не менее, известно, что к концу 2007 года в этой стране на наркологическом учете состояли 33 000 человек (UNODC & Canadian HIV/AIDS Legal Network, 2010). Если учесть, что подавляющее большинство потребителей инъекционных наркотиков в Центральной Азии употребляют героин, становится очевидно, что людей, регулярно употребляющих героин, в данном регионе – не менее четверти миллиона. Предположив, что каждый потребитель героина употребляет примерно 0,5 грамма в день, можно подсчитать и объем внутреннего спроса

на героин: он может составлять порядка 125 килограммов в день или около 45,6 тонны в год. Причем речь идет только об употреблении одного вида наркотиков. Если исходить из результатов нашего исследования и ранее опубликованных данных о том, что значительную часть внутреннего рынка наркотиков в Центральной Азии так или иначе контролируют сотрудники национальных правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений, нетрудно представить, какой объем финансовых средств поступает к ним (или проходит через их руки) ежегодно.

РЕКОМЕНДАЦИЯ 10 предлагает людям, ответственным за разработку наркополитики, рассмотреть возможность более жесткого применения уголовных наказаний, предусматривающих конфискацию имущества у сотрудников правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений, осужденных за преступления, связанные с наркотиками.

Те средства, которые поступают в распоряжение государства после реализации конфискованного имущества, должны быть направлены на развитие программ по лечению и профилактике наркозависимости, включая опиоидную заместительную терапию. Это будет способствовать сокращению спроса на нелегальные наркотики и, соответственно, приведет к дальнейшему снижению объемов незаконной прибыли, получаемых сотрудниками правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений.

Механизм существования порочного круга на рынке нелегальных наркотиков в Таджикистане на основе полученных нами материалов выглядит примерно следующим образом: сотрудники правоохранительных органов «крышуют своих барыг» за определенную, регулярно вносимую плату и поставляют им на реализацию наркотики; «чужих барыг» они задерживают и изымают у них наркотики для последующей реализации через «своих барыг»; у «чужих барыг» они вымогают деньги в обмен на свободу; за счет «чужих барыг» они «делают себе результат»; «барыги» подставляют потребителей наркотиков, у которых они также вымогают деньги, или путем их ареста «делают себе результат»; попав в места лишения

свободы, сбытчики наркотиков продолжают заниматься привычной деятельностью при активном участии коррумпированных сотрудников пенитенциарных учреждений.

При столь «плотном» участии в незаконном обороте наркотиков у сотрудников правоохранительных органов остается не так много времени на расследования и разоблачение организованных преступных групп, что отражается на снижении количества изымаемых наркотиков. Участие сотрудников правоохранительных органов в незаконном обороте наркотиков приводит и к тому, что в основном отлавливается «мелкая рыбешка». Сообщаемое некоторыми респондентами повышение цен на героин, продаваемый «шпонками», вероятно, также объясняется заинтересованностью коррумпированных сотрудников правоохранительных органов в продолжении «работы» с «барыгами». «Барыги» все больше и больше уходят под «контроль» определенных сотрудников правоохранительных органов, которым они выплачивают деньги за «крышевание». Значительные суммы выплачиваются и в случае выявления и задержания «чужими элементами». Эти растущие «издержки», связанные с осуществлением своей деятельности, определенная категория «барыг», занимающаяся в основном обслуживанием клиентов с низким уровнем дохода, может компенсировать за счет повышения розничных цен на «шпонки».

О серьезном вовлечении сотрудников правоохранительных органов и пенитенциарных учреждений в наркобизнес, как утверждают наши респонденты, «все знают», но часто делают вид, что не замечают этого. С самых высоких трибун нам нередко приходится слышать, что в Центральной Азии за всем «наркотическим злом» стоят «террористы» и «экстремисты» (см., например, De Daniele, 2011).

В данной связи – **РЕКОМЕНДАЦИЯ 11: необходимо как можно скорее признать факт, что за многими не выявленными наркопреступлениями стоят сотрудники государственных органов и**

сосредоточить усилия по борьбе с незаконным оборотом наркотиков на разоблачении подобных порочных связей и предотвращении дальнейшего сращивания наркобизнеса с государственными структурами.

Как пишет Дейвид Льюис (2010), Таджикистан является своего рода «лучом света» по сравнению с другими странами региона («bright spot» «compared to its neighbors»), если судить по количеству изъятых наркотиков и уровню профессионализма сотрудников Агентства по контролю за наркотиками – «одного из самых профессиональных правоохранительных органов в регионе» Центральной Азии. Если к тому же учесть, что ситуация с вовлечением сотрудников правоохранительных органов в наркоторговлю в Таджикистане мало чем отличается от ситуации в соседних странах, то есть основание предполагать, что изложенные в настоящем отчете рекомендации могут быть применимы в отношении всего региона.

8. БИБЛИОГРАФИЯ

Источники на русском языке

Аббасова, Д. (2010). Эпидемиологическая ситуация по ВИЧ-инфекции в учреждениях пенитенциарной системы. Региональная конференция «Эпидемия ВИЧ-инфекции в Центральной Азии: Дальнейшее развитие эпидемиологического надзора». – Алматы.

Аббасова, Д., Бободжонов, С. и Нурляминова, З. (2009). Результаты дозорного эпидемиологического надзора за ВИЧ-инфекцией среди осужденных, Республика Таджикистан, 2008 год. – Душанбе.

Абдуллоев, М., Дехканова, М. и Аёмбеков, М. (2008). Анализ эпидемиологической ситуации и ответных мер по данным системы второго поколения эпидемиологического надзора среди потребителей инъекционных наркотиков, Таджикистан, 2007 год. – Душанбе.

Абдуллоев, М., Раджабов, А. и Шабонов, Г. (2009). Анализ эпидемиологической ситуации и ответных мер по данным системы второго поколения эпидемиологического надзора среди потребителей инъекционных наркотиков, Таджикистан, 2008 год. – Душанбе.

АКН. (2005). *Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2004 год.* – Душанбе: Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан.

АКН. (2006). *Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2005 год.* – Душанбе: Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан.

АКН. (2007). *Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2006 год.* – Душанбе: Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан.

АКН. (2008). *Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2007 год.* – Душанбе: Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан.

АКН. (2009). *Обзор о наркоситуации в Республике Таджикистан за 2008 год.* – Душанбе: Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан.

АКН. (2010). *Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2009 год.* – Душанбе: Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан.

АКН. (2011). *Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2010 год.* – Душанбе: Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан.

Ассоциация «Сеть снижения вреда». (2009). Экспресс-оценка поведенческих аспектов ВИЧ/СПИД/ИППП и доступности услуг снижения вреда среди «отверженных тюремной субкультурой» в колониях № 3, 31, 8, 16, 1, 27 – для последующего специализированного оказания услуг по профилактике ВИЧ-инфекции для данной категории осужденных. – Бишкек.

Джалбиева, И., Ермолаева И. и Токомбаева, М. (2009). *Ограниченность услуг и социально-психологические факторы, влияющие на распространение ВИЧ среди женщин-ПИН в южном регионе Кыргызстана. Отчет по результатам исследования.* – Бишкек: Общественный фонд «Астерия».

Зеличенко, А. (2011). «Третья сила» пресловутая. *Вечерний Бишкек*, № 101 (10257), (от 14 июня).

Зеличенко, А. (2011). Третья сила??? *Эхо Оша*, № 46 (15286) (от 22 июня).

Ибрагимов, У., Джамолов, П., Латыпов, А., Хасанова, Е. (2011). *Потребности потребителей опиатов в городе Душанбе в 2010 году: Качественная оценка.* – Душанбе: СПИН Плюс.

«Изъята крупная партия экстази» (2011). Сообщение на сайте Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан. Доступно на: <http://rus.akn.tj/>

Караматова, Ш. (2010). Эпидемиологический надзор за ВИЧ-инфекцией среди осужденных в странах Центральной Азии: Основные тенденции и результаты. 3-й Центральноазиатский форум по вопросам инфекционных заболеваний и наркопотребления в тюрьмах. – Душанбе.

Кузина, А. (2011). Между коноплей и маком. – *Московский Комсомолец*, № 25675.

Латыпов, А., Нидоев, С., Рамазанов, С., Семикина, Е., Муравлева, О., Ширинбекова, Н. и Джамалов, П. (2006). *Наркоситуация в Республике Таджикистан в 2005 году. Ежегодный отчет*. – Душанбе: Программа развития ООН.

Нуров, Р. (2010). Приоритетные направления деятельности в области охраны здоровья и социальной адаптации осужденных в Республике Таджикистан. 3-й Центральноазиатский форум по вопросам инфекционных заболеваний и наркопотребления в тюрьмах. – Душанбе.

Oostvogels, R. (2005). Оценка практик милиции и секс-работа в Бишкеке: Обзор существующих вмешательств и стратегий. Подготовлено для Таис Плюс.

Правительство Кыргызской Республики. (2010). Выполнение Декларации о приверженности делу борьбы с ВИЧ/СПИДом (ССГА ООН). Страновой отчет.

Правительство Республики Казахстан. (2010). Национальный доклад о ходе работы для ССГА ООН. Республика Казахстан.

Правительство Республики Таджикистан. (2010). Национальный отчет о ходе выполнения Декларации о приверженности делу борьбы с ВИЧ/СПИД Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

«Сотрудниками АКН нанесен ощутимый удар по международному наркобизнесу» (2010). Сообщение на сайте Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан. Доступно на: <http://rus.akn.tj/>

Туманов, Т., Асадулоев К. и Чариев Н. (2010). Анализ эпидемиологической ситуации и ответных мер по данным системы второго поколения эпидемиологического надзора среди потребителей инъекционных наркотиков в Республике Таджикистан за 2009 год. – Душанбе.

Хидиров, М., Нуров, Р., Рахманова, М., Мирзоев, А. и Магкоев, В. (2006). Отчет по результатам проведения оценки состояния дел с внедрением программ снижения вреда в исправительных учреждениях Управления исправительных дел Министерства юстиции Республики Таджикистан. – Душанбе.

Хьюман Райтс Вотч. (2006). *Риторика и риск: Нарушения прав человека затрудняют борьбу с ВИЧ/СПИДом в Украине*. Хьюман Райтс Вотч: 18, по. 2(D).

Хьюман Райтс Вотч. (2007). *Право на реабилитацию: Проблемы лечения наркозависимости в Российской Федерации с точки зрения международных стандартов*. Хьюман Райтс Вотч: 19, no. 7(D).

Источники на английском языке

APMG. (2009). Report on project: 'Support to national AIDS response to scale up HIV prevention and care services in Tajikistan.' AIDS Projects Management Group: For UNDP Tajikistan.

Cornell, S. (2007). Drug smuggling in Central Eurasia. In *Transnational threats: Smuggling and trafficking in arms, drugs, and human life*, ed. Kimberley L. Thachuk, 94–111. Westport and London: Praeger Security International.

De Danieli, F. (2010). *Silk Road Mafias: The political economy of drugs and state building in post-Soviet Tajikistan*. PhD dissertation. School of Oriental and African Studies.

De Danieli, F. (2011). Counter-narcotics policies in Tajikistan and their impact on state building. *Central Asian Survey*, 30(1), 129–145.

EHRN. (2009). *The impact of drug policy on health and human rights in Eastern Europe: 10 years after the UN General Assembly Special Session*. Vilnius: Eurasian Harm Reduction Network.

EHRN. (2010). *Women and drug policy in Eurasia*. Vilnius: Eurasian Harm Reduction Network.

EHRN. (2011). Statement by the representatives of the community of people who use drugs and OST program clients in the Eastern European and Central Asian (EECA) region. Vilnius: Eurasian Harm Reduction Network.

Global Commission on Drug Policy. (2011). *On drugs*. Report of the Global Commission on Drug Policy. Retrieved June 3, 2011, from <http://www.globalcommissionondrugs.org/Report>

Hilton Cordell Productions. (2002). *Afghanistan: Drugs, guns and money*.

HRW. (2003). *Kazakhstan. Fanning the flames: How human rights abuses are fueling the AIDS epidemic in Kazakhstan*. Human Rights Watch: 15, no. 4 (D).

ICG. (2001). *Central Asia: Drugs and conflict*. International Crisis Group: Asia Report no. 25.

- ICG. (2002). *Central Asia: The politics of police reform*. International Crisis Group: Asia Report no. 42.
- ICG. (2009). *Tajikistan: On the road to failure*. International Crisis Group: Asia Report no. 162.
- ICG. (2011). *Tajikistan: The changing insurgent threats*. International Crisis Group: Asia Report no. 205.
- Killias, M. & Aebi, M. (2000). The impact of heroin prescription on heroin markets in Switzerland. *Crime Prevention Studies*, 11, 83–99.
- Kupatadze, A. (2008). Organized crime before and after the Tulip Revolution: The changing dynamics of upperworld-underworld networks. *Central Asian Survey*, 27(3), 279–299.
- Latypov, A. (2008). Two decades of HIV/AIDS in Tajikistan: Reversing the tide or the coming of age paradigm? *The China and Eurasia Forum Quarterly*, 6(3), 101–128.
- Latypov, A. (2009). Understanding post 9/11 drug control policy and politics in Central Asia. *The International Journal of Drug Policy*, 20(5), 387–391.
- Lewis, D. (2010). High times on the Silk Road: The Central Asian paradox. *World Policy Journal* 27(1), 39–49.
- Lewis, D. (2011). *Reassessing the role of OSCE police assistance programming in Central Asia*. Open Society Foundation, Central Eurasia Project: Occasional Paper Series no. 4.
- Marat, E. (2006). *The state-crime nexus in Central Asia: State weakness, organized crime, and corruption in Kyrgyzstan and Tajikistan*. Washington, D.C.: Central Asia–Caucasus Institute & Silk Road Studies Program.
- McCoy, A. (2003). *The politics of heroin: CIA complicity in the global drug trade, Afghanistan, Southeast Asia, Central America, Colombia*. Chicago: Lawrence Hill Books.
- McCoy, A. (1999). Requiem for a drug lord: State and commodity in the career of Khun Sa. In *States and illegal practices*, ed. Josiah McC. Heyman, 129–167. Oxford and New York: Berg.
- McCoy, A. (2004). The stimulus for prohibition: A critical history of the global narcotics trade. In *Dangerous harvest: drug plants and the transformation of indigenous landscape*, ed. Michael Steinberg, Joseph Hobbs, and Kent Mathewson, 24–111. Oxford and New York: Oxford University Press.

Moises, N. (2011). The drug trade: The politization of criminals and the criminalization of politicians. Working paper. Prepared for the First Meeting of the Global Commission on Drug Policy.

Mulberry Media Film. (2010). *AIDS on the heroin road*. Al Jazeera: People and Power.

Nordstrom, C. (2003). Shadows and sovereigns. In *State/Space: A Reader*, ed. Neil Brenner, Bob Jessop, Martin Jones, and Gordon MacLeod, 326–343. Oxford: Blackwell Publishing.

Paoli, L., Greenfield, V., & Reuter, P. (2009). *The world heroin market: Can supply be cut?* New York: Oxford University Press.

Paoli, L., Rabkov, I., Greenfield, V., & Reuter, P. (2007). Tajikistan: The rise of a narco-state. *Journal of Drug Issues* 37(4), 951–980.

Passas, N. (2002). Cross-border crime and the interface between legal and illegal actors. In *Upperworld and underworld in cross-border crime*, ed. Petrus van Duyne, Klaus von Lampe, and Nikos Passas, 11–41. Nijmegen: Wolf Legal Publishers.

PSI. (2010). *Central Asian republics (2010): HIV and TB TRaC study evaluating risk behaviors associated with HIV transmission and utilization of HIV prevention and HIV/TB co-infection prevention among IDUs. Round One*. Population Services International.

Sarang, A., Rhodes, T., Sheon, N., & Page, K. (2010). Policing drug users in Russia: Risk, fear, and structural violence (with commentaries). *Substance Use and Misuse*, 45(6), 813–864.

Shelley, L. & Svante, C. (2006). The drug trade in Russia. In *Russian business power: The role of Russian business in foreign and security relations*, ed. Andreas Wenger, Jeronim Perović, and Robert Orttung, 196–216. London and New York: Routledge.

Soliev, A. (2010a). Analysis on epidemiological situation and responses based on second generation sentinel surveillance system among injecting drug users, Tajikistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, 2006–2009. Regional conference on “HIV infection epidemic in Central Asia: Further development of epidemiological surveillance.” Almaty, May 18–19, 2010.

Soliev, A. (2010b). Epidemiological characteristics of HIV infection in the Republic of Tajikistan.

SWAN. (2009). *Arrest the violence: Human rights abuses against sex workers in Central and Eastern Europe and Central Asia*. Sex Workers' Rights Advocacy Network.

The Reference Group to the United Nations on HIV and Injecting Drug Use. (2010). *Consensus statement of the Reference Group to the United Nations on HIV and Injecting Drug Use 2010*.

Thorne, C., Ferencic, N., Malyuta, R., Mimica, J., & Niemiec, T. (2010). Central Asia: Hotspot in the worldwide HIV epidemic. *The Lancet Infectious Diseases*, 10(7), 479–488.

Townsend, J. (2005). *China and Afghan opiates: Assessing the risk*. Washington, D.C.: Central Asia–Caucasus Institute & Silk Road Studies Program.

Townsend, J. (2006). The logistics of opiate trafficking in Tajikistan, Kyrgyzstan and Kazakhstan. *The China and Eurasia Forum Quarterly*, 4(1), 69–91.

UNODC. (2007). *Regional study on drug use and HIV/AIDS. Regional summary: Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan*. Tashkent: United Nations Office on Drugs and Crime Regional Office for Central Asia.

UNODC. (2009). *World drug report 2009*. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime.

UNODC. (2011a). Ecstasy seizures in Dushanbe. Retrieved January 24, 2011, from <http://www.unodc.org/centralasia/en/news/ecstasy-seizures-in-dushanbe.html>

UNODC. (2011b). *World drug report 2011*. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime.

UNODC & Canadian HIV/AIDS Legal Network. (2010). *Accessibility of HIV prevention, treatment and care services for people who use drugs and incarcerated people in Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. Legislative and policy analysis and recommendations for reform*. United Nations Office on Drugs and Crime Regional Office for Central Asia, Canadian HIV/AIDS Legal Network.